

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

ДЕВУШКА
ИЗ ТИХОГО
ОМУТА

Анна Князева
Девушка из тихого омута
Серия «Лионелла Баландовская.
Светский детектив», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36070265
Девушка из тихого омута: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095677-7

Аннотация

Зловещее темное озеро, неподалеку от которого проходили съемки, актрисе Лионелле Баландовской сразу не понравилось. Старинная легенда гласила, что много веков назад в нем утонула девушка-воин Варвара, а ведь именно ее роль играет Лионелла в новом фильме! Дурные предчувствия оправдались – работа была сорвана, и актеров разместили в пансионате на берегу озера. И той же ночью там произошло убийство пожилой артистки, а Лионелла оказалась главной подозреваемой. Не стоило ей выходить на позднюю прогулку в этих темных и мрачных местах...

Содержание

Глава 1. Схватка в лесу	5
Глава 2. Злой рок судьбы	12
Глава 3. Красный сапог	23
Глава 4. Форс-мажор	32
Глава 5. Третье лицо	42
Глава 6. Комиссаров и Тамара	54
Глава 7. Орлиное гнездо	65
Глава 8. Исчезновение	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Анна Князева

Девушка из тихого омута

© Князева А., 2018

* * *

*Все персонажи и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Глава 1. Схватка в лесу

Новгородское княжество

XIII век

Путь княжеских дружинников из Торжка к Новому городу, где княжил князь Олекса Ростиславич, пролегал через лес. Сам князь, в крытом зипуне да в соболей шапке, ехал на гнедом скакуне Кудряше. Впереди него двигался боярский сын Бронеслав, позади на рыжей кобыле трусил дядька Досифей. Их сопровождали полтора десятка верных дружинников.

В лесу быстро темнело. Отряд конников перешел на рысь, стараясь держаться как можно ближе друг к другу, однако, выехав на хрупкую поверхность болотца, всадники сбавили ход и растянулись в цепочку. Тонкий лед опасно потрескивал. Вскоре отряд снова оказался в лесу, и копыта лошадей погрузились в рыхлый ноздреватый снег.

Олекса громко позвал:

– Эй, Бронеслав!

Тот придержал коня:

– Слушаю, княже.

– Возьми трех дружинников да скачи вперед. Кажись, заблудились. И посмотри – нет ли где татар.

– Кого взять-то?

– Бери кого пожелаешь.

– Дядьку Досифея дозволишь? – спросил Бронеслав.

– Зачем он тебе?

– Старый черт вроде филина – мышь в темноте заметит.

– Бери, если нужен, – ответил Олекса.

Бронислав поднял руку и выкрикнул:

– Досифей! Степан и Вавила! Айда за мной!

Он первым ускорился в темноту, за ним – трое других.

Отряд во главе с князем Олексой неспешно продвигался вперед. Над лесом встала полная луна, в ее свете и отблеске белого снега легко распознавалась окрестность и торился путь между деревьями.

Вскоре лес поредел, впереди показалась река. Кудряш вдруг заржал, присел на задние ноги и шарахнулся в сторону.

Князь натянул повод и гикнул:

– Стой, чертушка! Не балуй!

Однако, оглядевшись, увидел у кромки леса всадников. Они сгруппировались в кучу и наблюдали за княжеской дружиной.

Олекса подал знак своим воинам, повелевая остановиться.

– Кто такие?! – крикнул он, обращаясь к молодому пареньку, возглавляющему отряд конников.

Тот лихо ответил:

– Мы – люди посадские!

– Откуда будете?

– Из Новь-города!

– Врешь! Новгородские ночью за городской сторожей, в

домах своих спят.

— Правду говорю! — крикнул незнакомец и спросил задиристо: — Тебе-то какая забота?

Один из княжьих дружинников вытащил из ножен меч и подался вперед:

— Довольно! Знай, против кого говоришь!

Князь остановил его властным окриком:

— Стой, Кондрат! Дай мне поговорить с юношей неразумным.

Развернув коня, Кондрат отступил со словами:

— Смерд сиволапый!

— Кто таков? — Князь обратился к предводителю небольшого отряда.

Тот с вызовом ответил:

— Раб божий!

— Добро... — пробормотал Олекса в усы и, усмехнувшись, громко сказал: — Видать, дело твое нечисто, ежели супротив меня лаешься!

Но даже после таких его слов дерзкий юноша не смутился и спеси не убавил:

— Езжай своей дорогой, не спрашивай!

Его спутники перестроились, и в свете яркой луны в их руках блеснули стальные клинки.

— Прикажи, княже... — гарцуя на коне, взмолился Кондрат.

Но в тот же миг у княжеского уха просвистела стрела и

вонзилась в дерево. Вторая стрела, такая же трехгранная, красная, впиалась в шею дружинника. Схватившись за шею, Кондрат рухнул на снег.

Кто-то крикнул:

– Татары!

Олекса обернулся и увидел, что с болота на маленьких лохматых лошадях к ним скачут всадники. С диким гиканьем, с копьями наперевес они мчались по неглубокому снегу.

– К бою! – крикнул князь и скинул с себя меховой зипун.

Дружина развернула коней. Татары вылетели на освещенную лунным светом поляну, остановились и пустили в дружинников стрелы.

– Рази окаянных! – Олекса выхватил из ножен меч и первым бросился в бой. Вскоре он и его дружинники сшиблись с татарскими воинами.

На Олексу налетел огромный татарин, но князь изловчился и отрубил ему руку вместе с ятаганом, сшиб татарина с лошади, и Кудряш втоптал его в снег. Следующего, кто подвернулся, Олекса разрубил до самого пояса.

Татары то рассыпались, словно отступая до края поляны, то вновь бросались в бой: рубились и кололи острыми пиками.

Дружинники сгруппировались в центре поляны спиной к спине, отбивая налеты противника. Трое из оставшихся в живых уже потеряли коней и сражались пешими. Отчаянно

звенели мечи, свистели стрелы, умирая, кричали раненые. Испуганные кони спотыкались о трупы убитых и, падая, калечили своих седоков.

В жестокой схватке polegло немало воинов, но татар в живых осталось больше, чем русских.

– Держитесь, други! – Олекса рванулся в сечу и направил Кудряша в гущу татар.

И снова – лязг железа, визг татар, лошадиное ржание, крики раненых. Прямой длинный меч сверкал в княжеских руках, когда, не удержавшись в седле, Олекса рухнул на снег. Готовясь к смерти, князь вдруг увидел, что к месту боя скачет отряд во главе с дерзким юношей. Мальчишка мощно вклинился в ряды татар. Гибкий, быстрый, в глухом кожаном шлеме, он ловко рубился, отражал удары вражеских сабель и подбадривал своих воинов, сверкая горящими глазами:

– Побивай татарскую нечисть!

Воспользовавшись удобным моментом, Олекса вскочил на Кудряша. Теперь русские дрались каждый сам по себе, и на каждого из них приходилось по пять-шесть конных татар. Пеших воинов, потерявших в бою коней, татары порубили прежде других. Один за другим исколотые и порубленные дружинники скатывались с седел и падали в измолотый копытами снег.

Стрелы и меч не пощадили князя Олексу. Он был ранен, когда увидел, что юноша, геройски бившийся рядом, упал с коня, пронзенный татарской пикой. Собрав последние силы,

Олекса обрушил меч на голову его противника, после чего наступила жуткая тишина.

Князь спешился и огляделся вокруг. Вся поляна была усеяна трупами. Когда он решил, что кроме него в живых никого не осталось, то вдруг услышал стон. Это стонал юный воин.

Князь подозвал Кудряша, поднял юношу на руки и перекинул его поперек крупа коня. Потом взял повод и повел Кудряша по льду в лес на другом берегу реки.

В глухом лесу, в избушке из необтесанных грубых бревен, стены которой были завешаны пучками сухих трав и кореньев, у окна сидел старец. Лампада на столе мерцала слабым колышущимся светом.

Дверь избушки с грохотом распахнулась. На пороге стоял князь Олекса с окровавленным воином на руках. Ввалившись в избу, он грозно спросил:

– Ты будешь травник? – оглядев убогое нутро избушки, подошел к лежанке и опустил воина на лохматую медвежью шкуру. – Спаси его!

Старик подошел к раненому, пощупал за руку, заглянул в дырку кольчуги, сдавил, придержав кровь. Потом взглянул на Олексу и скорбно покачал головой:

– Помрет... Не смогу.

– Вари свои зелья! – Олекса вытащил меч.

Старик-травник развязал ремни и трясущимися руками

стянул с головы воина кожаный шлем. Но, как только шлем упал на лежанку, из-под него шелковой змеей выпросталась¹ русая девичья коса.

---

¹ Высвободиться, выбраться изнутри чего-либо.

Глава 2. Злой рок судьбы

Наше время

Холодным октябрьским вечером на территорию пансионата «Рыбачий» въехала автоколонна, состоявшая из фургона, легковых автомобилей и зашторенного автобуса с надписью «Мосфильм».

Пансионат «Рыбачий», как и обещало название, располагался на берегу прекрасного озера, одного из тех малых озер, которые рассыпались вблизи Селигера. Два десятка деревянных домов, пляж и небольшая столовая с крытым мангалом. В летний сезон здесь было полно отдыхающих, однако к концу сентября большая часть гостей разъезжалась, высвобождая пансионатские дома.

Автомобильная колонна остановилась у ближайшего дома, возле которого стояла темноволосая женщина и зябко куталась в платок.

Из легковой машины выскочил маленький толстяк и, перескочив через лужу, крикнул:

– Здравствуйте! Мы с вами говорили по телефону!

– Иван Иванович Пилютик? Помощник режиссера? – Женщина приветливо улыбнулась. – Мы ждем вас. Но где же Надежда Ефимовна?

Пилютик обернулся к машине и распахнул заднюю дверцу. Оттуда тяжело вылезла женщина лет шестидесяти, оде-

тая в русский сарафан и платок поверх вышитого повойника². Иван Иванович услужливо накиннул на ее плечи тулуп.

– Знакомьтесь, Надежда Ефимовна Бирюкова, народная артистка России. А это Елизавета Петровна, директор пансионата, – представил он женщин друг другу.

Елизавета Петровна улыбнулась и спустилась с крыльца:

– Рада знакомству!

– Взаимно, – ответила Бирюкова. Она выглядела утомленной.

– Как доехали? – заботливо поинтересовалась директриса, было заметно, что ей льстит это знакомство.

Актриса же, напротив, была не расположена к разговорам:

– Мне нужно в ванную.

– Прошу, в доме все приготовлено. – Елизавета Петровна отступила и указала на дверь. – Ваша комната – первая справа.

– Что значит комната? – Поднявшись на крыльцо, Бирюкова остановилась. – Мне обещали отдельный номер.

– У нас нет номеров. У нас избы. Ваша – десятая.

– Куда ты меня привез? – Бирюкова сердито развернулась к Пилютику.

– На сто километров вокруг нет ни одного приличного отеля, – ответил помощник режиссера. – Это лучший вариант.

– Тогда едем в Москву!

---

² Старинный головной убор русских женщин.

– До Москвы – пять часов пути. Не вы ли торопили меня?
– Черт с тобой! – сказала народная артистка и вошла в дом.

Елизавета Петровна вопросительно взглянула на Пилютика. Он объяснил:

– Представьте: последний съемочный день в экспедиции. Режимные³ съемки в лесу, и вдруг гаснет свет. Виктор Карлович, режиссер фильма, кричит на бригадира осветителей, тот бежит к инженеру, инженер – к «лихтвагену»⁴. Далее – бесконечно длинная пауза. Вы не представляете, что мне пришлось пережить за эти сорок минут! Актеры – склочный народец, набились в костюмерный автобус, бранятся. Водитель включил печку, а та возьми да сломайся. Сорок минут в темноте, в холоде, посреди леса. Кому-то может показаться, что это не так уж и долго. Но для меня эти сорок минут длились целую вечность.

– Вам нужно было просто уехать.

Пилютик грустно скривился:

– Мы должны были вернуться сегодня в Москву. Если бы не последняя сцена, которую не успели доснять. Три минуты экранного времени. – Он глубоко вздохнул. – Злой рок судьбы!

– Надо же...

---

³ Киносъемка в сумерках.

⁴ Специальный дизель-генератор на автомобильном шасси для электроснабжения съемок в условиях экспедиции.

– В конце концов инженер объявил о неисправности генератора. Режиссер крикнул: «Сделай хоть что-нибудь!» Но инженер только руками развел. Здесь, говорит, нужен сложный ремонт.

– И, что же вы?

– Дело не во мне... Съемки, естественно, свернули. Статисты в гриме и костюмах мерзнут в автобусе. Народная артистка Бирюкова, пара заслуженных и главная героиня – ждут в автомобилях. Ни переодеться, ни, пардон, в туалет...

– Теперь понимаю. – Елизавета Петровна опустила глаза. – В таком случае мы должны поспешить. Сколько у вас людей?

– Вместе с техперсоналом – шестнадцать. Из них трое женщин.

– Что же вы сразу не сказали? – всплеснула руками директриса. – Я-то думала, что из женщин только Бирюкова.

– Народная любимица. При упоминании ее имени посторонние люди всегда принимают нужные решения.

– Мы в любом случае разместим ваших людей. Где остальные дамы?

– Прошу! – Пилютик открыл заднюю дверцу.

Из салона автомобиля показалась нога в мягком коричневом сапоге, перехваченном у щиколотки тонким ремнем. После чего на землю опустилась вторая нога, и наконец появилась высокая стройная женщина. Помимо сапог, на ней были кожаные штаны и подбитая мехом кацавейка. На голо-

ве – кожаный шлем.

Пилютик закашлялся и галантно ее представил:

– Лионелла Баландовская.

Елизавета Петровна заулыбалась:

– Как же, как же! «Останься, если любишь», «Верх по течению», «Красивая девочка»...

– Знаете мою фильмографию? – удивилась Лионелла.

– Мне нравятся все ваши фильмы!

– Их было немного...

– Зато какие!

– Довольно любезностей, мои драгоценные, – прервал их Пилютик. – Нам еще мужчин размещать... – Внезапно его голос перекрыл громоподобный раскат, и в черном небе выросла кроваво-красная хризантема. – Что это?!

– Фейерверк! Бояре гуляют! – ответила Елизавета Петровна.

– Кто?!

– На том берегу озера. – Для пущей убедительности директриса помахала рукой. – Во дворце Тихвина!

– Не тот ли это Тихвин?... – начал Пилютик.

– Хозяин химкомбината, – закивала она.

– Слышал, но лично с ним не знаком.

Пока все трое смотрели в небо, из машины выбралась еще одна женщина.

– Иван Иванович, мне нужно в туалет...

– Тамара, наш костюмер, – коротко представил ее Пилю-

тик.

– Прошу вас. – Елизавета Петровна указала на дом. – Туалет – четвертая дверь по коридору налево. Третья дверь ведет в вашу комнату.

Костюмерша вошла в дом. На небе между тем взрывались и вырастали все новые огненные цветы.

– В поместье какой-нибудь праздник? – предположила Лионелла.

– Нет, просто пятница, – ответила Елизавета Петровна.

– Что, простите?

– Мы здесь уже привыкли к этой пальбе. Каждую пятницу, субботу и воскресенье гуляют. Потом – тишина.

– Прошу меня извинить. – Лионелла забрала из багажника дорожную сумку. – Я очень устала.

– Вторая дверь направо, – сказала директриса, и Лионелла ушла.

– Ну что же. – Пилютик по-деловому потер руки. – Будем размещать остальных.

– У меня свободны три восьмиместных дома, – сказала Елизавета Петровна.

– Этого вполне достаточно, – одобрил Пилютик и, прежде чем сесть в машину, спросил: – Поблизости есть автосервис?

– У вас сломалась машина?

– Как я говорил – у нас полетел генератор. Режиссер распорядился: кровь из носа, но завтра «лихтваген» должен работать.

Елизавета Петровна кивнула:

– Все ясно. Он хочет отснять последнюю сцену.

– Мы все будем ждать, пока наладят «лихтваген». Впрочем, вы не ответили на вопрос. Есть поблизости сервис?

– Утром вам покажут дорогу. – Елизавета Петровна села в машину. – А теперь поехали к свободным домам. Как только заселим ваших людей, я покажу, где припарковать фургон и автобус.

* * *

Комната Лионеллы Баландовской оказалась уютной и вполне деревенской: беленые стены, крепкая дубовая кровать, стол, накрытый вышитой скатертью, пара кресел и темная этажерка, уставленная милыми безделушками.

Не мешкая ни минуты, Лионелла скинула с себя проплетенный костюм, надела халат и вышла в коридор в поисках душа. Дважды ошиблась дверью и, наконец отыскав душевую, всецело отдалась умиротворяющим горячим струям воды.

В комнату она вернулась полная сил, немного повалялась в постели и поняла, что вовсе не хочет спать. Была половина одиннадцатого. Лионелла никогда не ложилась спать в это время, даже если сильно уставала.

Она поднялась с постели, откинула ажурную занавеску и взгляделась в темноту за окном. Представив, что где-то там

плещется озеро, которого она, быть может, никогда не увидит, Лионелла стала одеваться и через несколько минут вышла из дома. Она отправилась в ту сторону, где, по ее мнению, находилась вода.

Озеро оказалось ближе, чем ожидалось. Береговая линия в темноте едва угадывалась, и только масляный блеск волны обнаруживал поверхность воды.

На противоположном берегу озера, вдалеке, мерцали огни и звучала музыка. Пошел мелкий дождь, боковой ветер сделал его секущим. Не получив и малой доли тех впечатлений, на которые рассчитывала, Лионелла прогулялась вдоль берега, но, промочив ноги, свернула к березовой роще. Чтобы сократить дорогу к пансионату, пошла напрямик, но уже через минуту в темноте заблудилась.

Где-то недалеко, за деревьями, послышался звук автомобильного двигателя. Три раза рыкнув, автомобиль затих. В это же время из-за облаков показалась луна, между деревьями блеснули огоньки пансионата «Рыбачий».

Уже подходя к домику, Лионелла услышала звонок мобильного телефона, достав его из кармана брюк, ответила:

- Слушаю!
- Занята? – спросил голос мужа.
- Нет. Прогуливаюсь перед сном.
- Как прошли съемки?
- Хуже некуда.
- Что-нибудь случилось? Когда ты возвращаешься?

– Не знаю. Сегодня точно не приеду. Вся съемочная группа, в том числе я, ночует здесь.

– Где здесь?... – удивился муж.

– В пансионате «Рыбачий».

– Ничего не понимаю. Черт знает что! Мы же договорились провести этот вечер вместе. Завтра я улетаю в Макао.

– Прости, Лев. Так получилось. Простимся по телефону. Когда возвращаешься?

– Дней через пять, – ответил Лев. – Так что там у вас случилось?

– Сломался генератор «лихтвагена».

– Ну и что?

– Не успели снять одну сцену.

– Важную?

– Ну, если она есть в сценарии – разумеется. В ней заняты десятки статистов.

– Кто такие?

– Дружинники князя, татарские конники.

– Я понял. Та сцена в лесу?

– Да. Планировали закончить к шести вечера, но было около двенадцати дублей, и съемки затянулись до половины девятого. Потом пропал свет, и мы битый час сидели в машинах.

– Не простыла? Костюмчик у тебя еще тот.

– С этим все в порядке. Меня волнует другое.

– Что еще?

– Кажется, я не тяну роль... То есть я убеждена, что не тяну. Чего-то не хватает. Внутри меня пусто, и я бы отказалась от этой работы, если бы не...

– Если бы не что?... – сочувственно спросил Лев.

– Если бы уже не сняли полфильма. Не могу подвести Комиссарова. Он выбрал именно меня, понадеялся....

– А что говорит сам Комиссаров?

– Ничего...

– Вообще ничего?

– Ну, в общем, хвалит.

– Вот видишь!

– Хвалит, чтобы поддержать. Но я-то знаю!

– Знакомая песня...

– Что это значит? – обиженно спросила Лионелла.

– Типичное самокопание, – сказал Лев. – Муки художника.

– Ты так считаешь?

– Просто ты давно не снималась. И вдруг – главная роль в картине такого режиссера.

– Комиссаров – талант, – уныло подтвердила она. – Но я не понимаю эту женщину... Совсем не понимаю.

– О ком идет речь?

– О Варваре. О моей героине.

– А что тут понимать? Она предводитель разбойников, атаманша, русская баба.

– Но как быть с любовью? Как можно крошить людей то-

пором и при этом быть женщиной?

– Ищешь зерно роли?

– Не зли меня, Лев!

– Все получится, верь мне.

Закончив разговор с мужем и пожелав ему счастливого пути, Лионелла вошла в дом, закрыла входную дверь и заперла ее на засов.

Когда Лионелла Баландовская засыпала в кровати, огромный диск луны смотрел на нее сквозь окно.

Глава 3. Красный сапог

Утро следующего дня выдалось ясным. Стоя на крыльце пансионатского дома, Лионелла щурилась на холодное солнце. По застывшей за ночь грязи к ней семенил Пилютик.

– Плохие новости! – с полдороги выкрикнул он. – Сегодня съемок не будет!

– Грустно, Иван Иванович, – сказала Лионелла. – Вечером я хотела уехать домой.

Пилютик развел руками:

– И что делать? Режиссер предполагает, а бог располагает.

– Где, кстати, он?

– Комиссаров? Еще вчера уехал в гости к друзьям. За ним, видите ли, прислали машину, а я здесь один разбирайся.

– У Комиссарова повсюду друзья. Даже в такой глуши.

– Вы же слышали, директриса пансионата вчера сказала: на другом берегу озера живет «король автомасел»? В его распоряжении одна треть российского рынка. Богатый человек.

– Да, я что-то такое слышала, – кивнула Лионелла. – Но, вероятно, большую часть информации она донесла до вас без меня.

Пилютик посмотрел на часы:

– Вам нужно спешить. Завтрак закончится в десять. Здесь недурственно кормят. Яйца – свежие, творог – объединение. Советую заправить сметанкой и сверху – сахарку. Попробуй-

те, скажете спасибо...

– А где здесь столовая? – поинтересовалась Лионелла.

Пилюттик показал:

– Видите дом, возле которого курят статисты? За домом стоит другой: крашеный, чистенький. Это и есть столовая. – Он снова взглянул на часы. – Поторопитесь, иначе останетесь голодной. А где Надежда Ефимовна?

– Я стучалась к ней минут десять назад, но мне никто не открыл. Вероятно, она ушла завтракать.

– В столовой я ее не видел.

– Значит, еще спит.

– Не будем ее будить, – благоразумно отступился Пилюттик. – Сами знаете, чем это может закончиться.

Дурной характер Бирюковой был широко известен. Помимо вздорности и высокомерия, народная артистка имела острый язык, который не щадил ни своих, ни чужих. Коллеги сторонились Бирюковой, и поводов для нападений было немного. Это позволяло сохранять на съемочной площадке относительный мир.

Впрочем, неуживчивым характером отличалась не только Бирюкова. Вторым по «буйности» на площадке был партнер Лионеллы Максим Стрешнев. Имея внешность былинного богатыря, он много снимался, но озвучивали его, как правило, другие актеры. У самого Стрешнева для этого не хватало актерского мастерства, органики, а может быть, и таланта.

Днем раньше он и Лионелла поссорились, поскольку оба

были вымотаны затянувшейся съемкой, холодом и невозможностью вернуться в Москву. Теперь единственным желанием Лионеллы было не встретить Максима в столовой. Но, как назло, все вышло наоборот: свободное место было только одно – за столом, где завтракал Стрешнев.

– Доброе утро. – Лионелла села и, не глядя на Максима, обратилась к его соседу Никанину, консультанту по воинским традициям и боевым искусствам славян: – Охота же вам, Юрий Платонович, убивать свое время здесь? Ехали бы в Москву.

– Это моя работа, – ответил Никанин. – Вы же не уехали? Отчего мне уезжать?

– Последняя сцена в экспедиции. Ваши консультации вряд ли потребуются.

– Не мне решать. По крайней мере, Комиссаров ничего не сказал. И, кстати, – он огляделся, – где же наш режиссер?

– Говорят, уехал к друзьям, которые живут где-то поблизости, – вступил в разговор Максим. Он взял Лионеллу за руку и проникновенно продолжил: – Прости меня, дорогая.

– За что? – Она нехотя подняла глаза.

– Не сдержался, нагрубил.

– Неужели?

– Мы все вчера очень устали.

– Оба хороши, – согласилась Лионелла и пожала плечами. – И, главное, непонятно, когда продолжатся съемки. Я, может, успела бы съездить домой.

– А здесь вовсе не плохо, – сказал Никанин. – Чистый воздух, природа, продукты натуральные. Есть смысл расслабиться и получать удовольствие.

На завтрак им подали вареные яйца, творог, молоко и жареную рыбу, которая на первый взгляд могла показаться лишней. Но если вдуматься, все было очень логично: рядом – озеро, а название пансионата – «Рыбачий».

– Давно хотела спросить, Юрий Платонович, – заговорила Лионелла. – Не кажется вам, что художник по костюмам увлекся и пошел не в том направлении?

– Вы говорите в общем или конкретно?

– Не думаю, что в тринадцатом веке русские женщины носили брюки из кожи.

– Этот вопрос следует задать специалисту по историческому костюму. Я же, например, могу рассказать о холодном оружии Древней Руси или в крайнем случае, из чего в тринадцатом веке делали квас.

– Разве не из хлеба? – поинтересовался Максим.

– На Руси вопрос производства кваса стоял несколько шире. Его делали из хлеба, из листа, из солода. Был квас березовый, медовый, морошковый брусничный, клюквенный. Уверен, что и это не все. Ну а что касается костюмов... – Никанин замолчал, подбирая аккуратное выражение. – Художник использовал своеобразную трактовку первоисточника. Но если взять во внимание, что ваша героиня – предводительницы банды разбойников, она вполне могла носить кожа-

ные порты. В самом деле, не в юбке же ей скакать на коне? – с улыбкой проговорил он и спросил: – Никто не знает, где будут проходить дальнейшие съемки фильма?

– Сначала доснимут сцену в лесу, – напомнила Лионелла. Однако Стрешнев прояснил ситуацию:

– На следующей неделе снимаемся в студийном павильоне.

– На «Мосфильме»?

– Откуда мне знать? Если хотите, спросите у Комиссарава.

– Да где ж его взять?

– Тогда спросите Пилютика.

– Этого сначала нужно поймать. Он как ртутный шарик из разбитого термометра: только что был в столовой – и вот его уже нет. Так или иначе, в нашем распоряжении по меньшей мере полдня. – Юрий Платонович поднялся со стула. – Благодарю за компанию.

– Советую вам не спешить, – сказала Лионелла. – Пилютик объявил, что сегодня съемок не будет.

– Тем лучше. Надеюсь, увидимся за обедом. – Никанин, раскланявшись, вышел.

После его ухода возникло легкое замешательство. За стол подсел исполнитель роли предводителя татарского войска. Ни к кому конкретно не обращаясь, Лионелла спросила:

– Бирюкову не видели?

«Татарский предводитель» покачал головой:

– Нет, не видел.

– Прогуляемся? – предложил Стрешнев. – Говорят, рядом озеро.

– Я там была, – ответила Лионелла.

– Когда успела? – удивился Максим.

– Ночью.

– Не спалось?

– Никогда не ложусь раньше одиннадцати. – Она улыбнулась. – Такая привычка.

– Ясно. Значит, озеро отменяется?

– Отчего же? – Лионелла сдвинула стул и поднялась на ноги. – Вчера в темноте ничего не разглядела, кроме деревьев в лесу и огоньков на том берегу. Еще немного, и я бы заблудилась.

Стрешнев тоже встал и взял ее под руку:

– Со мной не заблудишься.

«Татарин» остался за столом есть свою рыбу. Лионелла с Максимом вышли на улицу, где их встретило все то же ясное безоблачное утро.

– Зачем тебе Бирюкова? – спросил Стрешнев. – Вы, кажется, в одном доме живете. Неужели не виделись?

Лионелла покачала головой:

– В последний раз виделись вчера, когда заселялись.

– Идем? – Максим потянул ее в сторону озера, до которого на самом деле было метров триста, не больше.

Дойдя до кромки воды, Лионелла сказала:

– Как странно... Вчера мне показалось, что до воды около километра.

– У страха глаза велики, особенно в темноте. – Максим указал рукой на противоположный берег. – Где-то там наш Комиссаров.

– Вчера у них было шумно и весело, – вспомнила Лионелла. – Видел фейерверк?

– Конечно. – Он усмехнулся. – Трудно было не заметить такую пальбу.

– Говорят, что эти люди так веселятся каждые выходные.

– Вокруг богатых множество прихлебателей. И всю эту команду нужно кормить, поить, развлекать.

– Думаю, что им самим это нравится.

– Нравится, что за кормежку им лижут задницу. – Максим сплюнул в воду. – Мерзость все это! Жрут, пьют на халаву, в глаза подобострастно заглядывают. Уверен, что вчера на этих гуляниях режиссер Виктор Комиссаров был главным блюдом. Не удивлюсь, если завтра туда потащат тебя или Бирюкову.

– Или тебя...

– Меня – вряд ли.

– Почему?

– Плохая репутация. Я, если выпью, могу набить морду.

Лионелла удивилась:

– Кому?

– Это без разницы.

– Веский аргумент, – усмехнулась она. – Пройдемся по берегу?

Они пошли по мокрому песку вдоль кромки воды. Вскоре песок сменил мох, а потом и вовсе жухлая травка. Встретились первые березки, предвестницы леса, в котором вчера заплутала Лионелла. Теперь на ветвях берез была видна паутина. Чуть дальше росли краснолистные рябины, потом – снова березы вперемешку с осинами. В тишине, шепчась, падали листья и кружились хороводом на легком ветру.

– Красиво здесь. – Лионелла встала у осины и глубоко вдохнула осенний воздух, в котором определенно присутствовал запах озерной тины и прелых листьев. Она закрыла глаза и вдруг слышала звук, похожий на легкий шлепок, словно что-то упало сверху. Обернувшись к Максиму, спросила: – Что это было?

Стрешнев склонился и поднял с земли красный сапог с загнутым кверху носком:

– Кажется, он из нашей костюмерной.

Оба с удивлением взглянули друг на друга, потом, не сговариваясь, запрокинули головы и посмотрели наверх. Там, на осине, на высоте нескольких метров, в петле качалась на ветру женщина, одетая в русский сарафан. Одна ее нога была в красном сапоге, вторая – босой.

Лионелла в ужасе закричала:

– Боже мой! Что это такое?!

Максим обнял ее, уткнул лицом к себе в грудь и тихо ска-

зал:

– Вот мы и нашли Бирюкову.

Глава 4. Форс-мажор

Окна комнаты Лионеллы выходили во двор, из них хорошо было видно полицейскую машину и «Скорую помощь». Люди в форме входили в дом и выходили оттуда, что-то записывали, говорили друг с другом. Во всей этой чудовищной круговерти была какая-то обыденность, что никак не вязалось с гибелью человека.

Лионелла открыла форточку, чтобы слышать, о чем говорят полицейские. Их фразы были обрывисты и долетали не полностью, но при сноровке сложить и сопоставить их было возможно.

- Смерть наступила двенадцать часов назад...
- Вызвали кинолога с собакой.
- Взяла след?
- Привела к дому, где остановилась убитая.

Лионелла отдернула штору, чтобы рассмотреть человека, задававшего вопрос. Это был худой нервный парень с борсеткой, сунутой под мышку, в короткой кожаной куртке и кепке. Он курил, переминался с ноги на ногу, озирался и, казалось, собирался уйти, но почему-то оставался на месте. Тот, что отвечал, напротив, был пожилым уравновешенным мужчиной в старомодном пальто.

Парень спросил:

- Комнату осмотрели?

– Ничего примечательного, Лосев. Постель не разобрана. Такое впечатление, что погибшая зашла, поставила сумку и сразу же вышла из комнаты.

– Ясно! – Бросив сигарету под ноги, Лосев направился в дом, и Лионелла слышала его шаги в коридоре.

Она подбежала к зеркалу, поправила волосы и с пристрастием оглядела трикотажную блузку, которую надела лишь потому, что ее временный гардероб был ограничен. Оторвавшись от зеркала, Лионелла приникла к двери. Шаги Лосева затихли в начале коридора, из чего следовало, что он вошел в комнату Бирюковой. От двери ее буквально отбросил чуть слышный стук, со страху показавшийся чудовищно громким.

– Кто?! – спросила Лионелла.

Из-за двери раздался голос костюмерши Тамары:

– Откройте, пожалуйста. Это я.

Лионелла открыла и, как только Тамара вошла в комнату, плотно прикрыла дверь.

– Что там происходит?

– Ужас какой-то! Народу набежало. Полиция приехала, «Скорая». Идите, посмотрите.

– Мне приказано сидеть в комнате.

– Кто приказал?

– Полицейские.

Тамара прошептала:

– Неужели вы все видели своими глазами? Она и правда

повесилась?

– Это вряд ли, – ответила Лионелла.

– Почему?

– Бирюкова не смогла бы влезть так высоко.

– Значит, ее убили?

Лионелла покачала головой, одновременно слушая, что происходит за дверью:

– Не знаю.

– Но кто мог это сделать? И, главное, за что ее убивать?

– Не знаю, – повторила Лионелла.

– У меня только одно желание, – сказала Тамара, – собрать вещи и поскорее отсюда уехать.

– Не паникуй.

– Как же не паниковать, Лионелла Павловна?! Еще вчера вечером старуха была жива, а теперь ее нет! И, главное, как изощренно убили. На ее месте могла быть я или вы. Как страшно!

– Не выдумывай, Тамара. И не забывай, что мы в экспедиции и съемки никто не отменял.

– Здравствуйте! – В комнату без стука вошел тип в кожаной куртке. – Мне нужна Баландовская.

– Это я. – Лионелла вышла вперед. – А кто вы такой?

– Следователь Лосев. Пройдемте!

Тамара вцепилась в руку Лионеллы:

– Ни пуха.

– К черту, – обронила Лионелла.

Она проследовала за Лосевым по коридору до комнаты Бирюковой. Распахнув дверь, он гаркнул:

– Па-а-апрашу!

Из комнаты поспешно вышли директор пансиона Елизавета Петровна и Иван Иванович Пилютик. Словно оправдываясь, Елизавета Петровна сказала:

– Криминалисты все осмотрели.

– Покиньте помещение. Здесь будет допрос.

Лионелла поежилась, решив, что то же самое можно было сказать несколько мягче и пощадить ее нервы. О чем она тут же поведала следователю. На что тот насмешливо обронил:

– Мне бы ваши заботы... Садитесь! – Он указал на стул, а сам вышел из комнаты.

Минут через пять возвратился, швырнул на стол борсетку и какой-то пакет, достал бланк протокола и поднял глаза:

– Фамилия, имя, отчество.

– Лионелла Павловна Баландовская.

– Псевдоним?

– Нет, не совсем... С недавнего времени это мое настоящее имя.

– По какой причине сменили?

– Предполагаете, мне есть что скрывать? – язвительно поинтересовалась она.

Маленький и нахальный следователь вызывал у нее отторжение. Он был неубедительным и суетливым, как ребенок из неблагополучной семьи, которого поколачивает пьющий

отчим. Непростой ассоциативный ряд сложился мгновенно, что только подтвердило его верность.

– Я не предполагаю. Я констатирую, – ответил следователь.

– Мне нечего сказать кроме того, что уже сказано.

– Так и запишем... – Лосев склонился над протоколом. По всему было видно, что писать он не любит. – Год рождения?

Лионелла назвала дату рождения, и следователь удивленно поднял глаза:

– Правда, что ли?

– Мне незачем врать. Тем более вы видели мои документы.

– Вы очень хорошо сохранились.

Услышав сомнительный комплимент, Лионелла покраснела от злости, но все же ответила на вопросы о роде занятий и месте проживания.

Наконец, она услышала главный вопрос:

– Что можете показать по факту?

– Показать?

– Ну хорошо – рассказать.

– По факту – чего?

– В общем, что видели, то и рассказывайте, – буркнул Лосев.

Лионелла снова уточнила:

– С какого времени?

– С утра.

– Утром я вышла из дома и встретила второго помощника режиссера Ивана Ивановича Пилютика. Он спросил про Надежду Ефимовну.

– Надежда Ефимовна – это кто?

– Ну как же... – Лионелла сделала большие глаза. – Покойная Бирюкова, народная артистка России. Мы же о ней сейчас говорим?

– Да-да, конечно. Забыл ее имя-отчество. Так что там Пилютик?

– Он спросил меня, проснулась ли Бирюкова. Видите ли, мы все вчера очень устали, и...

– Знаю эту вашу историю про генератор! Она не относится к делу. Давайте по существу: Пилютик спросил про Бирюкову – и?

– Я сказала, что стучала в ее дверь, но мне никто не ответил.

– Что было потом?

– Потом он сообщил, что сегодня съемок не будет. И я отправилась завтракать.

– С Пилютиком?

– Нет, без него.

– Почему?

– Он к тому времени уже позавтракал. И, вероятно, у него были другие дела.

– Кого еще встретили?

– В столовой? – уточнила Лионелла.

– Вы ведь туда пошли? Или нет?

– Послушайте... – Сдерживая гнев, Лионелла опустила глаза: – Я не понимаю, к чему вы клоните. Наш разговор...

– Допрос! – перебил ее Лосев.

– Что? – Она подняла глаза.

– Я – следователь. Вы – свидетель. Пока...

– Это угроза?

Лосев не ответил, а мрачно сказал:

– Не морочьте мне голову. Отвечайте на поставленные вопросы.

– А вы не спрашиваете, – медленно проговорила Лионелла. – Вы провоцируете меня.

– Умная сильно? – презрительно прищурился Лосев. – Теперь-то я вижу, если копнуть поглубже, много интересного обнаружится. Зачем вы ходили в лес?

– Мы не в лес ходили, а на озеро. – Теперь Лионелла была в смущении и будто оправдывалась.

– Под словом «мы» подразумеваете себя и артиста Стрешнева?

– Думаю, вам известно, что именно с ним мы обнаружили тело Бирюковой.

– Значит, вы со Стрешневым отправились в лес... – Лосев написал несколько строк в протоколе.

– На озеро, – уточнила Лионелла.

– Пошли на озеро, но почему-то оказались в лесу... – констатировал следователь. – Зачем вы его туда потащили?

– Прошу вас думать, прежде чем задавать такие вопросы, – высокомерно заметила Лионелла.

Глядя на нее, Лосев многозначительно улыбался:

– Про Стрешнева есть что сказать?

Она скорее почувствовала, чем поняла, о чем идет речь, и спросила:

– О нем или против него?

– А это как вам будет угодно.

– Нет. – Лионелла покачала головой. – Не дождетесь!

– Что это значит?

Лионелла поднялась со стула и направилась к двери.

– Гражданка Бalandовская! – крикнул Лосев. – Стойте, или я...

Она обернулась и с вызовом спросила:

– Или что?

– Я задержу вас.

Лионелла запрокинула голову и зло рассмеялась:

– Он задержит меня! На каком основании, позвольте спросить?

– Вы жили с Бирюковой в соседних комнатах. Вчера около одиннадцати часов ночи, по свидетельству очевидцев, вы, Лионелла Павловна, покинули дом. И, надо же, какое совпадение, сегодня именно вы обнаружили тело Бирюковой в лесу.

– Я ходила к озеру! – громко сказала Лионелла.

– Далось вам это озеро! И кто это может подтвердить?

Гнилая отмазка!

У Лионеллы кончилось терпение, она распахнула дверь, чтобы выйти из комнаты.

– Сейчас же звоню мужу! Ни слова больше без адвоката!

– Ой-ой-ой! – усмехнулся Лосев. – До боли знакомое заявление. Звоните хоть черту. Хоть дьяволу звоните. Вам не отвертеться. Артистка!

Лионелла вышла в коридор, но тут же резко отпрянула. В полуметре от нее клецнула зубами оскаленная морда собаки. Овчарку тут же оттащил кинолог, а Лионелла буквально ввалилась обратно в комнату Бирюковой.

– Что такое?! – Лосев стремглав выскочил в коридор.

– Простите, товарищ следователь! – Кинолог едва сдерживал собаку. – Акбар словно с цепи сорвался.

Служебный пес лаял и рвался в комнату Бирюковой.

– Тихо... Тихо... – шептала Лионелла, пятясь от дверей.

– Постой-ка! – Лосев вернулся в комнату, взял со стола пакет, открыл его и дал понюхать собаке.

Ткнувшись носом в пакет, пес остервенело ринулся к Лионелле.

– Да что же это?! – крикнул кинолог. – Фу, Акбар! Фу!

– Ждите здесь! – Лосев зашагал по коридору в сторону комнаты Лионеллы. Через минуту вернулся с перчаткой, достал из пакета такую же и сунул в лицо Лионелле. – Ваша?

Чтобы рассмотреть ее, Лионелле пришлось свести глаза к переносице.

– Ваша?! – требовательно повторил Лосев.

Но она молчала.

– Можете не отвечать, – осклабился следователь. – Я только что нашел ее пару в кармане вашего пальто. Второй там не было. Вторую вы обронили в лесу, когда убивали Бирюкову.

Глава 5. Третье лицо

Из комнаты Бирюковой открывался прекрасный вид на озеро. Глядя на него через плечо Лосева, Лионелла видела большую темную точку, которая росла на глазах и скоро превратилась в катер. Через несколько минут катер причалил к пирсу, матрос скинул трап, на берег сошли двое мужчин. В одном из них Лионелла узнала Комиссарова. Он стал подниматься в гору к пансионату. За режиссером шел второй мужчина, сошедший на берег.

Перехватив ее взгляд, Лосев обернулся:

– Кто там?

– Наш режиссер, – сказала Лионелла. – Виктор Комиссаров.

– Свалились на нашу голову! Народные режиссеры! Не сидится вам в вашей Москве.

– Москва – не только наша. Москва – столица России.

– Поговорите мне тут!

– Посадите? – устало спросила она.

– По мне, так лучше сразу посадить. Так ведь не дадут. Ясное дело.

Лионелла улыбнулась:

– Уверена, что не все полицейские такие, как вы.

– Я – следователь, – напомнил ей Лосев.

В комнату вошел Комиссаров, за его спиной маячил Пи-

лютик и еще один человек, похожий на жабу-альбиноса.

– Как это случилось?! – выкрикнул режиссер и вперился взглядом в Лосева.

– Фамилия? – спросил у него следователь, не поднимая глаз от бумаг.

– Комиссаров!

– Я вас вызывал?

– Нет!

– Ждите в коридоре.

– Сколько ждать?

– Приглашу, когда посчитаю нужным.

– Подожди-ка. – Невысокий человек с жабым лицом отстранил Комиссарова и, оперевшись на стол, склонился над Лосевым:

– Ты что ж это, братец?

Лосев поднял глаза и, резко побледнев, вскочил на ноги.

– Виноват, Егор Макарович! Не заметил.

– То-то и вижу – быкуешь.

– Виноват. Ошибся!

– Человек задал вопрос, – напомнил Егор Маркович.

– Ну?

– Не нукай, не запрягал. Отвечай.

– Как это случилось? – повторил Комиссаров. – Когда?

– Смерть гражданки Бирюковой наступила вчера, около одиннадцати часов вечера. Точное время установит судмед-эксперт после вскрытия тела.

– Но как?!

– Пока неизвестно. – Лосев развел руками.

– Кого мне теперь снимать?! Бирюкова играла мать князя Олексы! – Виктор Комиссаров перевел взгляд на Пилютика.

Поежившись, тот спросил:

– А я здесь при чем?

– Я предупреждал тебя, просил, чтобы ты за всем при-
смотрел, – гневно продолжал режиссер. – Что с «лихтваге-
ном»? Когда начнем съемки?

– Не нужно валить все в одну кучу! – взорвался Пилютик,
но пояснил: – Лихтваген будет готов завтра. Может быть...
По крайней мере, мне пообещали.

– Тогда какого черта мы все здесь торчим?

– Вы сами приказали всем оставаться здесь.

– Я надеялся, что сегодня мы все закончим. А вы, Пилю-
тик, сорвали все планы! Теперь еще Бирюкова!

– Виктор Карлович, бога побойтесь, – вмешалась Лионел-
ла. – Человека убили, а вы...

– Кто сказал, что убили? – Комиссаров резко обернулся.

– Я, – ответила Лионелла.

– Вы здесь при чем, Лионелла?

– Это я нашла Надежду Ефимовну.

– Ну и что? Выводы такие откуда?

– Ее повесили очень высоко. На осину. Сама бы она туда
не забралась.

Комиссаров опустил глаза.

– Ну, если так, то конечно. Бирюкова никогда не отличалась особенной спортивностью. Какой варварский способ убийства! – Он покачал головой. – Как будем снимать без нее?

– Сами знаете как, – вмешался Пилютик. – В таких случаях переписывают сценарий и убивают героиню.

– Лучше займитесь ремонтом генератора, со сценарием я сам разберусь.

– Вы спросили, я вам ответил.

– Не все заданные вопросы предполагают ответ. Впрочем, для вас это мудрено, – бесцеремонно заметил Комиссаров и адресовал вопрос следователю: – Что-нибудь нашли?

– В плане улик и доказательств? – Лосев покосился на человека с жабым лицом. – Есть кое-что.

Режиссер нетерпеливо потребовал:

– Ну, говорите!

– На месте убийства была найдена перчатка, которая принадлежит вашей артистке. Вот, – он указал на Лионеллу, – ей.

– Что за бред?! – Комиссаров наморщил лоб и перевел взгляд на Лионеллу.

Ничуть не растерявшись, Лионелла ответила:

– Не забывайте, что это я обнаружила Бирюкову. Возможно, обронила перчатку. Мы, кстати, были с Максимом Стрешневым.

– С вами был Стрешнев?

– Не верьте ей, – прокомментировал Лосев. – Перчатка пролежала в лесу целую ночь.

– Ну, предположим, я уронила ее вчера на прогулке, – решительно заявила Лионелла. – А теперь скажите, почему я должна оправдываться? Я не убивала Бирюкову. У меня не было причин ее убивать. У нас ничего общего, кроме работы.

– С ума сойти! – Комиссаров опустил на стул. – Мать главного героя убили, а главную героиню вот-вот посадят в тюрьму.

– Не думаю, что до этого дойдет. Верно, Лосев? – Человек с жабым лицом подошел к Лионелле и поцеловал ее руку. – Разрешите представиться – Тихвин Егор Макарович.

– Это у вас всю ночь грохотала музыка? – любопытствовала Лионелла.

– А как насчет фейерверка? – Тихвин улыбнулся. – Неужто не заметили?

– Было красиво.

– Не только же вам, москвичам...

– У-у-у... Нам до вас далеко.

– Хватит любезничать! – Комиссаров оглядел присутствующих и остановил свой взгляд на Пилютике: – Дай мне слово, что завтра генератор будет исправен.

– Помилуйте, Виктор Карлович! Сие от меня не зависит.

– Тогда пригони из Москвы новый.

– На это нужны деньги. Но где же их взять?

– Мне плевать! Бери где хочешь, но чтобы завтра сцена

была доснята.

– Без Бирюковой? – провокационно заметил Пилютник, чтобы получить хоть какую-то сатисфакцию.

– Не выводи меня из себя! – взорвался Комиссаров.

– Сделаю что смогу, – с готовностью пообещал Пилютник. Зыркнув на помощника, Комиссаров спросил следователя:

– Моя помощь нужна?

– Надо поговорить. – Лосев покосился на Лионеллу, и она поняла, что речь пойдет о ней.

– Ну хорошо, – Комиссаров придвинул к столу стул и сел. – После разговора я бы предпочел вернуться в дом к моему товарищу.

– Нам выйти? – спросил Тихвин.

Лосев кивнул.

– И гражданку Баландовскую с собой прихватите, пожалуйста.

– С удовольствием. – Тихвин галантно посторонился, уступая дорогу к выходу. – Прошу вас.

– Благодарю. – Лионелла вышла из комнаты, но потом снова заглянула туда и с назиданием сказала Лосеву: – О присутствующих не говорят в третьем лице. По крайней мере, так делают приличные люди. Впрочем, вас к таковым я не отношу. – Она захлопнула дверь, оставляя за собой последнее слово.

– У вас сложный характер, – сказал Тихвин, но в его го-

лосе звучало одобрение.

– Этот Лосев – типичный неандерталец.

– Только не скажите это ему в лицо.

– И что меня остановит? – холодно спросила Лионелла и, разгладив ладонями блузку, вздохнула: – Курить хочу.

– Сигареты предложить не могу.

– Не курите?

– Нет, не курю.

– Простите за банальность, детская присказка – кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет.

– В свое оправдание замечу: алкоголь в моей жизни присутствует, – улыбнулся Тихвин.

– В таком случае здоровеньким точно не помрете, – заметила Лионелла и направилась в свою комнату, нашла сигарету, вставила в мундштук и закурила.

За ее спиной раздался голос Тихвина:

– Красиво...

– О чем это вы? – Лионелла обернулась на голос.

– Прошу прощения, но здесь было открыто. – Он остановился в дверях.

– Проходите, – пригласила она.

– Курите красиво. Очень по-женски. Я бы сказал: изысканно.

– Чем все это закончится?.. – вздохнула Лионелла и подошла к окну.

Тихвин тоже подошел и облокотился на подоконник:

– Боитесь?

– Как не бояться? Я обронила в лесу перчатку, и Лосев решил, что я причастна к убийству.

Тихвин склонил голову на плечо, чтобы лучше видеть ее лицо:

– Если пожелаете, я решу эту проблему.

– Как? – медленно выпустив дым, Лионелла прикрыла веки.

– Пойду и заберу у него перчатку.

– Что за вздор! – возмутилась Лионелла. – Так он вам и отдал! Это – улика.

– Отдаст, – пообещал Тихвин и мягким шагом направился к двери:

– Стойте! – крикнула Лионелла. – Не втягивайте меня в эту историю.

Он обернулся:

– Но вы уже в ней.

– Пусть все идет своим чередом.

– Глупо, – сказал Тихвин и вернулся обратно.

– Мне нечего бояться. Я ни в чем не виновата. – Лионелла оценивающе смерила его взглядом. – Чего это вы разгусарились? Рассчитываете произвести впечатление?

Тихвин уверенно кивнул:

– Рассчитываю.

– Зря. – Она потушила сигарету и закончила мысль: – Вы не в моем вкусе.

В течение дня Лионелла несколько раз звонила мужу, но его телефон был вне зоны доступа. Вероятно, Лев был еще в самолете. К ужину она решилась выйти из комнаты. Есть не хотелось, но сидеть взаперти, как будто она действительно виновата в смерти Бирюковой, было гадко.

Как выяснилось, «взаперти» сидела не только она: зал столовой оказался наполовину пустым.

Заметив Максима Стрешнева, Лионелла под села к нему:

– Как дела?

– Честно? – Он спрятал глаза.

– Естественно, – манерно проговорила она с отчаянным куражом, который бывает только тогда, когда совсем безнадежно.

– У меня такое чувство, словно я предал тебя.

– Сильно сказано. – Лионелла облокотилась на стол, ловя его взгляд.

– Сегодня утром в разговоре с Лосевым я проговорился о твоей вечерней прогулке.

– И что в этом такого? Я сама ему об этом сказала.

– Ты не видела его лица! Мне показалось, что в тот момент он все для себя решил.

– Я это почувствовала.

– И все из-за меня... – Максим поднял глаза и пожал ее руку.

В ответ Лионелла с благодарностью улыбнулась:

– Ни в чем себя не вини. Если ты не знаешь, неподалеку от повешенной Бирюковой нашли мою перчатку.

– Я уже слышал...

– Плохие новости разносятся быстрее хороших. Но я теперь думаю, что вчера в лесу могла встретить убийцу.

Их разговор прервал бесцеремонный оклик:

– Баландовская!

Оглянувшись, Лионелла заметила Лосева, который шел к их столу от двери.

– В чем дело? – спросила она.

– Прошу не покидать пансионат до тех пор, пока не получите специального разрешения.

– Что за бред? – Она встала со стула. – Кто распорядился?

– Я!

– Плевать я хотела на ваши распоряжения! Вы для меня никто. К тому же завтра продолжится съемка.

– Завтра и поговорим!

Разговор шел на повышенных тонах, и окружающие слышали каждое слово. Стрешнев поспешил вмешаться.

– Сбавь обороты, – сердито сказал он следователю.

– Сиди и не рыпайся. Смотри, как бы тебя не примотали к этому делу.

– Ты! – Максим вскочил и ринулся на Лосева, Лионелла вовремя перехватила его.

– Все! Все! Успокойся!

Лосев смерил его взглядом и, прежде чем уйти, размаши-

стым движением засунул борсетку под мышку:

– Па-а-апрошу не покидать пансионат до моего специального разрешения.

За ужином Лионелла и Максим друг на друга не смотрели, как будто между ними была недоговоренность или секрет, который тянул за душу обоих.

– Послушай, – наконец сказала Лионелла. – Я про Бирюкову...

– Вот только не надо.

– Нам все равно придется поговорить.

– Ну?

– Ума не приложу, как удалось подвесить ее так высоко.

– А что тут думать? – Максим взял салфетку и вытер губы, потом откинулся на спинку стула. – Согнуть осину, привязать к верхушке веревку, а потом отпустить.

– Какой варварский способ убийства!

– Я бы сказал – бессмысленно изощренный. Впрочем, неизвестно, как она умерла. Возможно, ее повесили уже мертвую.

– Но это ничуть не лучше, какое-то надругательство. – Немного подумав, Лионелла продолжила: – Ты один смог бы наклонить это дерево?

Стрешнев покачал головой:

– Вряд ли. Хотя, если залезть, а потом...

– Мне кажется, что все было не так, – перебила его Лионелла.

– Не понял...

– Убийц было как минимум двое.

– Как было на самом деле – никогда не узнаешь.

– Слишком пессимистично, – заметила Лионелла. – Впрочем, у нас есть умный Лосев.

Максим усмехнулся:

– Шутишь?

– Это сарказм.

К их столику подошел звукорежиссер Вениамин Волков, невыразительный худой человек в твидовой куртке.

– Если не возражаете, сяду к вам.

– Садись, Веня, – кивнул Максим и задал дежурный вопрос: – Как дела?

– Как сажа бела. Работа через пень-колоду. Торчим здесь, как дураки. – Волков сел и расстроенно уставился на Стрешнева – Съемок нет, и домой не пускают. Вчера вечером вышел к озеру, хотел записать плеск воды. Да где там! С противоположного берега такие шумы доносились.

– Во сколько ты выходил? – спросила Лионелла.

Волков настороженно замер:

– А что?

– Просто спрашиваю. Могу я спросить?

– Можешь. Но только я точно не помню. Вышел к воде, вижу, что писать бесполезно, и сразу обратно. – Он встал и, похлопав себя по карманам, рассеянно огляделся. – Что-то мне есть расхотелось. Пойду, пожалуй, к себе.

Глава 6. Комиссаров и Тамара

«Лихтваген» пригнали в пансионат следующим утром. Пилютик в ожидании Комиссарова крутился возле фургона, желая первым донести до него благую весть.

Впрочем, известие о том, что «лихтваген» уже исправен и вечером будут съемки, мгновенно облетело всю съемочную группу. К обеду в пансионат прибыл отряд всадников в костюмах татар и русских дружинников. Как выяснилось, статисты ночевали в животноводческом хозяйстве рядом с конюшнями.

Разжившись утюгом, Тамара приводила в порядок костюмы. Лионелла сидела в ее комнате и ждала свой костюм. Поддавшись депрессии, она не пошла на завтрак, а заодно и на обед. Весь день непрерывно звонила мужу, но, когда телефон оказался в сети, Лев не взял трубку. Посчитав его неотвеченным знаком свыше, Лионелла, наконец, успокоилась.

– Меховую оторочку пришила. С мездрой⁵ будьте осторожнее, она очень ветхая, – сказала Тамара и протянула ей кацавейку.

– Спасибо! – Лионелла забрала жакет и, перекинув через плечо кожаные брюки, собиралась уйти.

Но костюмерша остановила ее:

---

⁵ Выделанная кожа, из которой «произрастает» мех.

– Подождите, Лионелла.

– Что еще?

– Никто не думает, что вы в чем-то замешаны, – сказала Тамара и отвела глаза.

– Радостно...

– Нет, правда-правда!

– Зачем ты это сказала?

– Чтобы вы знали.

– Ну хорошо. Теперь я знаю, и что? – Лионелла в упор смотрела на костюмершу.

– Да ну вас всех, в самом деле! – плаксиво проговорила Тамара и отвернулась к гладильной доске.

– Спасибо за костюм, – сказала Лионелла и ушла в свою комнату накладывать грим.

В два часа в пансионат приехал Комиссаров, как всегда, энергичный и полный творческих сил. Пилютник с гордостью показал ему «дело своих рук».

Режиссер обошел «лихтваген», похлопал его по кузову и сказал:

– Ну, смотри!

В этой короткой фразе было заключено многое: предупреждение, опасение и недовольство тем, что еще может случиться.

Пилютник отреагировал ожидаемо, заявив, что его должность – расстрельная. Никто и не подумал ему возражать, поскольку все так и было.

В три часа дня экспедиция двинулась на съемочную площадку в лес. Впереди в своей машине ехал Пилюттик, за ним – «лихтваген» и костюмерный автобус. Позади следовали все остальные легковые машины. Ехали медленно из-за того, что в колонне двигались конники. По счастью, дорога была недолгой.

Лионелла сидела в машине Стрешнева, когда заметила незнакомый автомобиль. Судя по стоимости, он принадлежал заводчику Тихвину, но ехал в нем Комиссаров. Когда колонна прибыла на место, из дорогого автомобиля вышли и тот и другой. Заметив Лионеллу, Тихвин целенаправленно ринулся к ней.

– Желаю удачной съемки.

– Благодарю, – ответила она, предчувствуя, что этим разговор не окончится.

– Хотел попросить...

– О чем?

– Вечером после съемок жду вас в гости.

– Это вряд ли, – ответила Лионелла. – Съемки закончатся поздно.

Тихвин возразил:

– Виктор сказал, что часов в шесть, не позже.

– Режиссер всегда так говорит. По факту – всегда позже. Дай бог управиться к десяти.

– Ну что же... Десять, так десять. Пришлю за вами машину.

– А сами что же?

– Хотите, чтобы я сам?..

– Нет-нет! – запротестовала она. – Это я – так. К слову.

– Вы не похожи на женщину, которая говорит к слову. Такие, как вы, говорят только по делу. Заеду за вами лично, – заявил Тихвин.

– Но я не сказала – «да».

– Разве?

Лионелла уверенно покачала головой:

– Нет, не сказала.

– Ага... – озадачился Тихвин. – Вся эта история мне нравится все больше и больше.

– Что за история? – Она надменно вскинула брови.

– Наша с вами.

– У нас нет совместной истории. У каждого – своя собственная.

– Вы заблуждаетесь и скоро это поймете.

– Ого! – Лионелла почувствовала себя неудобно. – Звучит как угроза или шантаж.

– Глупости, – улыбнулся ей Тихвин, но улыбка слетела с его губ, потому что Лионелла резко побледнела. Не отрывая глаз от ее лица, он спросил: – Что с вами? Что случилось?!

Лионелла вытянула дрожащую руку.

– Там Бирюкова...

Он резко обернулся. В нескольких шагах спиной к ним стояла плотная женщина, одетая в русский сарафан и цвета-

стый платок, накинутый поверх повойника. На ее ногах были красные сапоги с загнутыми носками.

Тихвин шагнул к ней, взял за плечи и развернул лицом к себе. Лионелла прерывисто выдохнула. Увидев лицо женщины, она сообразила, что Пилютик нашел дублершу Бирюковой, которая будет присутствовать в кадре. При мысли, что еще недавно костюм новгородской княгини был на убитой, Лионелла пришла в бешенство:

– Да что же это?! – Она поискала глазами Тамару. – Костюмерша где?

Кто-то указал на автобус. К возмущению Лионеллы прибавилась злость на себя: действительно, где еще можно было отыскать костюмершу?

Ворвавшись в автобус, она столкнулась с Тамарой.

– Как ты могла?!

– Я не понимаю... – опешила Тамара.

– Зачем ты дала одежду с мертвой Бирюковой ее дублерше?

– А где мне было взять другую? – с легким «наездом» ответила костюмерша.

– Уверена, что вопрос можно было решить. В конце концов, отправить машину за чем-то другим.

– Я сделала то, что мне приказали. И вообще...

– Что? – уточнила Лионелла.

– Не мешайте мне работать, Лионелла Павловна.

– Ты хоть сказала дублерше, откуда взялась эта одежда?

– Как можно?! – воскликнула Тамара. – И вы молчите!

– Это мерзко!

Лионелла вышла из автобуса. Ее уже поджидал Лосев.

– Нужно поговорить!

– Здравствуйте, во-первых, – сказала Лионелла. – Вас не учили здороваться?

– Нарывается? – спросил следователь.

– Я? – Лионелла искренне удивилась. – Нет. Никогда.

– Отойдем в сторону. – С дерева посыпался снег, и Лосев испуганно отшатнулся. Борсетка нервно перекочевала из одной подмышки в другую.

– Чего вам? – спросила Лионелла, шагнув за ним.

– Объясните, для чего вы отправились ночью в лес?

– Глупый вопрос, на который я уже отвечала.

– Для чего вы отправились ночью в лес? – раздраженно повторил Лосев.

– Мне не спалось. И я решила прогуляться, – так же раздраженно ответила Лионелла.

– К озеру? – уточнил Лосев.

– Да.

– Тогда как вы оказались в лесу?

– Шла по берегу, промочила ноги и решила вернуться обратно.

– К озеру?

– Далось вам это озеро! – воскликнула Лионелла.

– Это не мне оно далось, – возразил следователь. – Оно

далось вам. Куда вы собирались вернуться?

– В пансионат! Было темно, холодно, к тому же пошел дождь.

– И отсюда возникает вопрос: какого черта вы потащились в лес?

Сделав паузу, Лионелла веско проговорила:

– В таком тоне бессмысленно продолжать разговор. – Заметив Тихвина, она поманила его рукой.

Но к тому времени, когда Егор Макарович подошел, Лосев куда-то исчез.

– Могу чем-то помочь? – спросил Тихвин.

– Уже помогли.

– А ведь я предупреждал вас...

– Относительно чего? – рассеянно осведомилась Лионелла.

– Мы говорим про Лосева.

– И что же? – Она старательно делала вид, что не происходит ничего из ряда вон выходящего.

– Он будет продолжать вам досаждать.

– Это его работа.

– Скорее свойства его натуры. Лосев – последняя сволочь. Тупой, напористый карьерист. Дай ему волю, и он повесит на вас всех дохлых собак.

– Хотите сказать, что меня всерьез обвинят в убийстве?

– А разве не к тому все идет?

– Но это же глупо! – воскликнула Лионелла. – Ну, пред-

положим, убить я бы смогла. — Она уточнила: — Гипотетически. Но втащить Бирюкову на дерево — никогда! У меня бы просто не хватило сил.

— Гипотетически, говорите? — Егор Макарович задумчиво почесал кончик носа. — Гипотетически у вас могли быть со-общники.

— Вы шутите? — с улыбкой разочарования спросила Лионелла.

— Прогнозирую ход мыслей нашего друга Лосева.

— Не-еет, — протянула она. — Вы запугиваете меня. Сгущаете краски. Чего вы добиваетесь?

— А разве не ясно?

— Нет. — Глядя в глаза Тихвина, Лионелла покачала головой. — Не ясно.

— После окончания съемок вам придется здесь задержаться.

— Я так не думаю.

— Придется, придется... — закивал Тихвин.

— Это вам Лосев сказал?

— Какая разница, кто! Это — очевидность. Пока не собраны и не сведены все показания...

— Но я-то все уже рассказала! — перебила Лионелла. — Чего еще от меня нужно?

В конце концов Егор Макарович Тихвин решил подвести черту:

— Чем торчать в пансионате, вам лучше перебраться в мой

дом.

– Я позвоню мужу, – с улыбкой произнесла Лионелла. – Посоветуюсь с ним, как мне поступить.

По лесу прокатилась команда:

– Внимание! Готовность номер один!

Одновременно с этим начались перемещения статистов и короткие перебежки техников. К Лионелле подвели запряженную лошадь. Забравшись в седло, она взяла у помощника меч.

– Дорогу!

Не отводя восхищенного взгляда, Тихвин попятился. Тронув поводья, Лионелла отправилась на исходную точку.

Все, что происходило в дальнейшем, было настоящим мучением. Ей казалось, что каждый дополнительный дубль возникал исключительно по ее вине. Сначала она выпала из кадра, свернув с обозначенной траектории. Потом уронила свой меч. В перерывах между дублями Лионелла выхватывала глазом то Тихвина с его самодовольной ухмылкой, то юркого Лосева, который говорил со всеми подряд, и ей оставалось только догадываться, о чем идет речь.

Наконец прозвучала команда «стоп, снято», и Лионелла обессиленно сползла с лошади. К ней подошел Комиссаров:

– Не узнаю вас, ей-богу! Знаете, почему я закончил съемку?

– Почему? – спросила она.

– Понял – большего сегодня от вас не добиться.

Лионелла опустила глаза:

– Простите меня, Виктор Карлович.

– Не стоит извиняться, я все понимаю. – Он переступил с ноги на ногу, словно обретая опору. – Чтобы лучше понять вашу героиню, нужно только представить, какие ужасы ей довелось пережить. Жила себе девушка в деревне, родители обожали ее, парни табунами за ней ходили. Все закончилось в один день. Налетели рыцари-крестоносцы на деревню, убили родителей, жениха, сестру с собой увезли... А над ней, девочкой, надругались, ранили и бросили умирать. Человеческая жизнь в те времена гроша ломаного не стоила. Вот и представьте, как она выживала. Как искала помощи, как нашла ее в банде разбойников. Ее испытывали на прочность, проверяли. И она выдержала, иначе бы не стала их предводительницей. Поймите, Лионелла, ваша героиня необыкновенная женщина, которая, пройдя страшные испытания, не потеряла себя.

– Я понимаю. Меня выбило из колеи то, что произошло с Бирюковой.

– Жаль, что все так обернулось. Но очень вас попрошу – к съемкам в павильоне приведите себя в чувства.

– Конечно! Я обещаю.

– Что ж, – режиссер улыбнулся, – на сегодня закончили. Как говорится, никого не задерживаю.

– Могу ехать домой? – спросила она.

– Да. Если только... – Комиссаров не договорил – к ним,

улыбаясь, шел Лосев.

Лионелла знала, что сулит ей эта улыбка, и следовательно действительно спросил:

– Не забыли?

– О чем? – Лионелла с вызовом смотрела ему в глаза.

– Вы остаетесь здесь.

– Нет. – Она покачала головой.

– Придется задержаться. – Следователь словно испытывал терпение Лионеллы, и ей пришла в голову мысль: не нарочно ли он это делает?

– Я уезжаю в Москву, – проговорила Лионелла.

– Хотел бы я посмотреть...

– Пожалуйста! – Она развернулась и зашагала к машине Стрешнева: – Максим! Мы уезжаем.

– Не дальше пансионата! – выкрикнул Лосев. – Иначе я сейчас же вас арестую!

В ту же минуту на пути Лионеллы возник Тихвин с вопросом:

– Ну так что? Едем ко мне в гости?

– Вы же слышали. Я могу уехать не дальше пансионата.

– Если вы имеете в виду Лосева, я все улажу.

– Уладите? – Поразмыслив, Лионелла решила, что готова ехать куда угодно, лишь бы насолить Лосеву. – Ну хорошо. Тогда едем к вам!

Глава 7. Орлиное гнездо

Автомобиль заехал на территорию усадьбы и стал медленно огибать фонтан, который к зиме накрыли большим коробом, похожим на дощатый сарай.

Дорогая машина остановилась возле роскошного трехэтажного дома с высокими окнами.

Во двор изливался свет бесчисленных люстр, одна из которых, многоярусная хрустальная, тянулась сверху на протяжении трех этажей. Все то время, пока автомобиль ехал к дому, за ним наблюдали в окно, и как только он остановился у входа, на крыльцо вышла горничная в черном форменном платье и белом фартуке. Ежась от холода, она дождалась, пока Лионелла выйдет из салона машины.

– Добро пожаловать!

– Спасибо, – ответила Лионелла и поинтересовалась: – Егор Макарович еще не приехал?

– Он будет позже. Вы позволите? – Девушка забрала сумку Лионеллы из рук водителя и проводила гостью в дом.

В прихожей их ожидала шатенка лет сорока. Первое, что бросалось в глаза при взгляде на нее, – глубокие ямочки на щеках, которые особенно были заметны, когда она улыбалась.

– Здравствуйте, меня зовут Марианна.

– Вы – жена Егора Макаровича? – спросила Лионелла.

– Кажется, да.

Лионелла оценила чувство юмора и подумала, что с ней будет легко поладить.

– Меня зовут Лионелла, и я к вам ненадолго.

– Очень жаль, – заметила Марианна. – Я – ваша давняя поклонница.

– Неужели?

– Смотрела все ваши фильмы и даже не мечтала, что когда-нибудь увижу вживую.

– Мне об этом все говорят, даже если не видели ни одного моего фильма. Впрочем, к вам это не относится. Вам я безоговорочно верю.

– Ксана, отнеси сумку Лионеллы наверх и покажи ей комнату, – велела Марианна горничной, после чего вновь обратилась к госте: – Вам нужно время, чтобы прийти в себя, отдохнуть с дороги. Не буду задерживать. К восьми спускайтесь на ужин.

Марианна Тихвина вела себя достойно и просто, что вызвало определенное уважение, поскольку Лионелле были известны другие примеры жен олигархов. Вслед за горничной она поднялась на третий этаж и вошла в комнату с двуспальной кроватью. Здесь, как и повсюду, царил стиль хайтек: светлые тона, металлическая мебель и большое, во всю стену, окно.

С помощью Ксаны Лионелла ознакомилась с пультом, который содержал основные функции управления комнатой:

зашторить окна, включить свет, телевизор, кондиционер. Похожее устройство было в ее собственном доме, но значительно проще.

Оставшись одна, Лионелла расстегнула дорожную сумку и разложила на кровати одежду. Выбор был скудным, и она всерьез задумалась над тем, стоит ли вообще спускаться на ужин.

Лионелла сняла с лица остатки грима, приняла душ и улеглась на кровать. Была одна мысль, которую хотелось обдумать, посмаковать и насладиться произведенным эффектом от собственных действий. Она вспомнила физиономию Лосева, когда Тихвин провожал ее до машины. Понимая, что вопреки запрету подозреваемая покидает «Рыбачий», он не посмел остановить ее. В этой связи было интересно: что еще, кроме денег, обеспечивало Тихвину такую уверенность в своей вседозволенности?

Лионелла знала, что рано или поздно доберется до истины. Стоит только понаблюдать, порасспрашивать, а возможно, просто догадаться, используя всю добытую информацию.

Ее тревожило одно обстоятельство: зачем Тихвин отправил ее с водителем, а сам остался на съемочной площадке? Хорошо, если только для того, чтобы попрощаться с Комиссаровым. А если поговорить с Лосевым? Поговорить или договориться – и то и другое внушало ей опасения, поскольку неизвестно, чем может закончиться эта история. На этой мысли Лионелла потянулась к телефону, чтобы в очередной

раз позвонить мужу. К счастью, он ответил:

– Ну здравствуй.

Она с облегчением выдохнула:

– Наконец-то!

– Ты волновалась за меня?

– Конечно, но дело не в этом.

– А в чем? – Лев сразу понял, что ей не до шуток, и готов был выслушать.

– Со мной случилась неприятность.

– Ты в Москве?

– Нет. Я все еще здесь.

– В пансионате?

– Не совсем. Я – в доме Тихвина.

– Тихвина Егора Макаровича? – удивился Лев.

– Да, я в его доме.

– Какого черта ты там делаешь?

Почувствовав, что за возмущением мужа стоит больше, чем ревность, она объяснилась:

– У меня не было выхода. Иначе бы пришлось торчать в пансионате «Рыбачий» фактически под арестом.

– Я не понимаю, Лионелла. Объясни, что стряслось.

– Позапрошлой ночью в лесу убили Надежду Ефимовну Бирюкову.

– Народную артистку? Кому это понадобилось?

– Следователь Лосев считает, что мне.

– Что за бред?! Ты это серьезно?

– Настолько серьезно, что не хочется в это верить.

– Послушай, Лионелла, любое подозрение должно опираться на факты.

– Они есть.

– Повтори, я не расслышал.

– Факты, говорю, есть.

– Какие? – севшим голосом спросил Лев.

– В ту ночь, когда ее убивали, я гуляла и обронила в лесу перчатку.

– Ее нашли рядом с трупом?

– Да, но это еще не все, – продолжила Лионелла.

– Слушаю тебя.

– Утром после завтрака мы с Максимом пошли погулять и наткнулись в лесу на мертвую Бирюкову.

– Кто такой Максим? – сухо спросил Лев.

– Стрешнев – исполнитель роли князя Олексы. Неужели не помнишь?

– Этот красавчик? Ну-ну...

– Что значит, ну-ну?

Словно не услышав вопроса жены, Лев задал новый вопрос:

– Как ее убили?

– Повесили на осине.

– Как символично... – хмыкнул он.

– Я не понимаю, к чему ты это сказал.

– Не улавливаешь?

– Нет.

– На осине повесился Иуда Искарriot⁶.

– Лев! Мне сейчас не до этого!

– Прости. Само по себе вспомнилось. Из-за осины. Значит, так: сиди там, и никуда ни ногой, – распорядился муж. – Завтра к тебе приедут.

– Кто?

– Какая тебе разница? Адвокаты, юристы, кто-нибудь из прокуратуры. Какой там ближайший город?

– Кажется, Валдай.

– Кажется?

– Я не знаю, Лев. Это не точно.

– Ну, хорошо, я сам все разузнаю. – В окончание разговора он резюмировал: – Короче, сиди в доме у Тихвина и жди, пока приедут юристы. Договорились?

– Договорились.

Немного помолчав, Лев спросил:

– Тихвин сам тебя пригласил?

– Сам.

– Как некстати...

– Не понимаю, о чем это ты? – насторожилась Лионелла.

– Потом расскажу, – ответил Лев и поспешил попрощаться.

Лионелле осталось только догадываться, что он имел в виду.

---

⁶ Один из двенадцати апостолов, предавший Иисуса Христа.

– Иуда Искарот. – Она потянулась в постели. – И к чему Лев его вспомнил? Непонятно.

Собираясь на ужин, Лионелла надела простое черное платье, в котором приехала на съемки. По счастью, в сумке отыскался шелковый платок фирмы «Гермес». Она сложила платок по диагонали и приколола к плечу булавкой, подобрав с изнанки. Вышло просто, без затей, но в этом был безусловный шарм.

Туфель Лионелла с собой не взяла, пришлось надеть черные замшевые ботинки. К счастью, они были на каблуках.

Прикрыв за собой дверь комнаты, Лионелла взглянула на часы – начало девятого. Самое время спуститься по лестнице и эффектно появиться на ужине.

Реальность превзошла все ее ожидания. Лионелла вошла в зал, освещенный десятком больших люстр, за столом сидели около сорока человек. Овальный стол, длиной не меньше пятнадцати метров, был накрыт белой скатертью и уставлен множеством блюд. Возле него крутилось несколько официантов.

Первым Лионеллу заметил сам Тихвин. Он встал и направился к ней. Взяв за руку, обернулся к гостям:

– Хочу представить мою гостью – Лионеллу Бalandовскую!

Мужчины начали вставать, на что она тотчас отреагировала:

– Прошу вас, сидите... – Потом взглянула на Тихвина: –

Пожалуйста, проводите меня до моего места.

– Конечно, конечно. – Егор Макарович усадил ее на свободный стул рядом с собой. К ней сразу подошел официант с блюдом.

– Что это? – спросила Лионелла.

– Зеленый салат с куриной грудкой и помидорами черри.

– Терпеть не могу куриное мясо.

Тихвин махнул рукой, и на месте этого официанта оказался другой:

– Зелень с авокадо, креветками и кедровыми орешками.

– Пожалуй. – Лионелла кивнула, и официант положил на тарелку салат.

– Как провели время в дороге? – спросил Тихвин.

– Мучилась вопросом... – так же тихо обронила она.

– Это интересно. – Он покрутил головой. – Могу узнать, что за вопрос? Или не скажете?

– Отчего не сказать? – Лионелла щелкнула ногтем по бокалу. – Вина сначала налейте.

Егор Макарович наполнил бокал и снова спросил:

– Итак?

– Почему вы не уехали вместе со мной?

Он удовлетворенно кивнул:

– Помню, обещал сопроводить лично.

– Что же помешало?

– Хотел сделать сюрприз.

– Для кого?

– Не догадываетесь? Конечно, для вас.

Только теперь Лионелла заметила, что среди незнакомых людей за столом сидели члены съемочной группы.

– Как мило. Вы решили всех покормить?

– Я подумал, что вам будет приятно увидеть знакомые лица.

– Почему бы и нет. – Она пожала плечами и задала вопрос, на который могла ответить сама: – Комиссаров уехал?

– Да, у него дела в Москве. – Тихвин встал и постучал вилкой по графину. – Внимание! – Многоголосый говор за столом сразу стих. – Позвольте тост! Сегодня среди нас много новых интересных людей, тружеников кино. Прошу выпить за них! – Тихвин обернулся к Лионелле, и ей пришлось встать. – За вас, прекрасная Лионелла!

Все выпили, и некоторое время за столом раздавался только стук вилок и ножей. Потом мало-помалу возобновились разговоры.

Выглянув из-за мужа, – она сидела от него с другой стороны, – Марианна Тихвина спросила Лионеллу:

– Как вам салат?

– Очень вкусно, – ответила Лионелла, не собираясь продолжать разговор, поскольку и вопрос, и ответ были формальными. Она сама, принимая гостей, практиковала такое.

– Позвольте познакомить вас с моими друзьями, – предложил Тихвин.

– Хотите, чтобы я обошла весь этот стол? – с нежеланием

уточнила Лионелла.

– Все, кто нужен, рядом со мной. – Тихвин привстал и положил руку на плечо плотного темноволосого мужчины в галстук: – Юрий Друзь – начальник службы безопасности.

– Рад познакомиться, – сказал Друзь, глядя на Лионеллу, но у нее сложилось впечатление, что говорил он не с ней, а с Тихвиным.

– Взаимно, – вежливо кивнула Лионелла и перевела взгляд на Тихвина.

Егор Макарович встал и, обойдя стол, остановился возле лысого человека в очках.

– Главный технолог комбината – Кислянский.

– Рад познакомиться. – Реакция технолога была такой же, как у режимника: он ни на секунду не выпускал из виду хозяина, реагируя на каждое его движение или слово.

– Я тоже рада, – сказала Лионелла, с интересом наблюдая за тем, что происходит. Заметив, что рука у Кислянского в гипсе, она спросила: – Что с вашей рукой?

– Упал, – коротко ответил технолог и взглянул на хозяина.

Тихвин между тем сел и по-барски развалился в своем кресле:

– Хорошо покатались. – Он усмехнулся. – Ну и как? Ручка бо-бо?

Кислянский с готовностью закивал:

– Дергает.

– Что же ты, друг дорогой? Был пьян или за руль не дер-

жался?

– Да он же, Егор Макарович, как зверь из-под тебя рвется!

– Авария? – догадалась Лионелла.

– По лесу на квадроциклах катались, – ответил Тихвин. – Все мужики как мужики, и только этот дрищ не удержался в седле.

– Второй день маюсь. – Кислянский словно оправдывался.

– Зачем же пришел? Остался бы дома на диване.

Наблюдая за технологом, Лионелла была уверена, что, будь его воля, он так бы и сделал. Что же помешало? И, кажется, она знала ответ: страх потерять расположение Тихвина.

Лионелла чувствовала – ее буквально пронизывает ощущение всеобщей угодливости и преклонения. От этого сделалось мерзко.

– Значит, на квадроциклах вы катались недавно? – уточнила она.

– Позавчера, – уточнил Кислянский. – По лесу доехали до «Рыбачьего», потом – обратно. То есть обратно я уже не сам ехал. Меня до «Скорой помощи» довезли. Потом – в приемный покой.

– Во сколько это было? – Лионелла сама не понимала, для чего ей детали.

– Часов в девять вечера, – ответил Кислянский. – Было уже темно.

– Ага, – глубокомысленно заметила Лионелла. Однако

все, что происходило в тот день раньше одиннадцати, не интересовало ее. В девять часов вечера съемочная группа приехала в пансионат, и Бирюкова была жива.

Тихвин встал и, кивнув на стол, приказал жене:

– Нужно все освежить.

Марианна подозвала распорядителя ужина, и по его команде вокруг стола с удвоенной энергией засуетились официанты.

Егор Макарович с Лионеллой вышли в соседний зал, за ними, словно выполняя приказ, потянулись все остальные.

Лионелла достала из сумочки футляр с янтарным мундштуком и тонкую сигарету.

– Идемте на веранду, – сказал Тихвин.

– Вы же не курите, – вспомнила Лионелла.

– Я вам уже говорил. И не люблю запах дыма в доме.

– Что ж, идем на веранду. Но там холодно.

– Там – тепло. Там зимний сад.

Покинув зал, Тихвин и Лионелла вошли в заросли тропической зелени. Посреди зимнего сада располагался большой пруд с вуалехвостыми рыбами. Лионелла села на скамейку и закурила. Тихвин присел рядом.

– Хочу вам признаться, – заговорил он.

– Давайте.

– Ваш первый фильм я смотрел двадцать два раза.

– Как глупо.

– Второй – двадцать пять.

– Не побоюсь спросить про мой третий фильм. Сколько раз вы смотрели «Вверх по течению»? – Лионелла манерно выпустила кольцо дыма и взглянула в лицо Тихвина.

Отвечая, он, кажется, растерялся:

– Не помню.

– Что ж вы так?

– Не скрою, был в вас влюблен.

– Как глупо, – повторила она. – Вы же совсем не знали меня.

– В те времена я знал каждый ваш жест, каждый поворот головы и движение губ.

– Вы не кажетесь мне романтиком, – заметила Лионелла.

– Теперь – да. Жизнь очень изменчива.

– Из чего следует, что люди меняются.

– Не во всем. – Тихвин придвинулся, и Лионелла почувствовала запах его парфюма.

– Это признание? – спросила она.

– Вы разбередили мне душу.

Лионелла потянулась стряхнуть пепел, но Тихвин схватил ее руку и стал жадно целовать.

– Тихо... Тихо... – прошептала она и вдруг заметила среди зелени консультанта Никанина. – Юрий Платонович, идите к нам!

Никанин подошел, остановился чуть в стороне.

– Очень хорошо, что вы здесь. Садитесь, – сказала Лионелла. – Есть тема для разговора.

– О чем желаете говорить? – Никанин сел на край скамьи и покосился на Тихвина.

– Можете курить, – мрачно сказал тот.

– Вы же знаете, что Бирюкову повесили на осине... – начала Лионелла.

– От этого разговора – увольте. – Никанин протестующе вскинул руки и встал, собираясь уйти.

– Стойте! – окликнул его Тихвин, и консультант замер. – Что за ребячество? Дама хочет поговорить. Отчего же не удовлетворить ее желание?

– Я ничего об этом не знаю, – пробормотал Юрий Платонович.

– А это неважно, – сказала Лионелла. – Что вы знаете про Иуду Искарота?

– Что за дикая затея – связывать убийство Бирюковой с библейскими мифами?

– И все-таки?

– Иуда Искарот – один из двенадцати апостолов, ученик Иисуса Христа, – ответил Никанин.

– Кажется, его тоже повесили на осине?

– Никто его не вешал. – Никанин поморщился. – Предав Иисуса за тридцать сребреников, Иуда вскоре раскаялся и повесился сам, как вы справедливо заметили, на осине.

– Как интересно...

– С осиной вообще связано много мифов и легенд. – Никанин закурил и, затянувшись, выдохнул: – Нечистое, про-

клятое дерево.

– Кто его проклял? – заинтересовался Тихвин.

– Существует несколько вариантов. Например: когда Богоматерь с Иосифом бежали в Египет, спасая младенца Христа, они укрывались от преследования воинов царя Ирода под деревьями, и те переставали шелестеть листьями, чтобы не выдать святое семейство. И только осина шелестела своими листьями. За это она была проклята и по сей день шелестит листьями на ветру и без ветра. И, кстати, прутья, которыми бичевали Христа, и крест, на котором его распяли, были осиновыми.

– Это совпадение? – спросила Лионелла.

– Это миф, – ответил Никанин.

– А как насчет повешения?

– Это было самоубийство, – напомнил Юрий Платонович. – И вообще, когда Иуда решил повеситься, сначала он выбрал березу.

– Но ведь вы...

– Дослушайте! – Никанин повысил голос: – Береза так испугалась, что ее кора побелела от страха. Тогда Иуда решил закрепить веревку на груше.

– И что ему помешало? – спросил Тихвин с плохо скрытой иронией.

– Груша ошетибилась колючками и не подпустила его к себе. В конце концов Иуда Искарот повесился на осине, за что она была проклята.

– В очередной раз, – резюмировал Тихвин.

– Напрасно иронизируете. Если желаете знать, осину до сих пор не сажают у дома. Из нее ничего не строят, не рубят на дрова. Но у осины есть преимущества. Если вам доведется заночевать в лесу, возьмите ветку осины и очертите вокруг себя круг.

– Зачем? – спросила Лионелла.

– Чтобы защититься от лешего.

– Серьезно? – улыбнулась она.

– Вы спрашивали, я вам ответил. Возможно, слишком исчерпывающе. В таком случае приношу свои извинения. – Никанин затушил сигарету и огляделся: – Куда я могу...

Тихвин придвинул пепельницу:

– Прошу.

– Насколько я понял, вы как хозяин дома поспособствуете, чтобы нас увезли в «Рыбачий»? Я оплатил путевку, планирую остаться в пансионате на недельку.

– Конечно, вас отвезут, – сказал Тихвин. – Или желаете уехать сейчас?

– Не возражал бы.

– Впереди много интересного. У меня в гостях Корзун и Филиппов.

– Среди гостей я их не видел.

– Будет концерт.

– Ах, вот оно что... Меня это не занимает, – сказал Никанин. – Но могу предположить, что коллеги по съемочной

группе останутся.

– Оставайтесь и вы.

– Придется, – вздохнул он и вдруг обернулся. – Что там за шум?

– Идемте, посмотрим. – Лионела поднялась и направилась в зал, нисколько не заботясь о том, последуют ли за ней мужчины.

Посреди зала Максим Стрешнев и недавно представленный ей начальник службы безопасности Друзь стояли, вцепившись друг в друга, по их раскрасневшимся злым лицам было ясно: еще немного, и они подерутся.

– В чем дело? – К ним подошел Тихвин. Отцепившись лишь на мгновение, мужчины снова схватились друг друга за грудки.

– Все! – крикнул Тихвин, и они разошлись.

Теперь Егор Макарович обращался только к Друзю: – Юра, в чем дело?!

– Актеришка сильно борзый, – ответил тот.

– Рубашку в брюки заправь! Безопасник... – Тихвин смеялся подчиненного неодобрительным взглядом.

Марианна Тихвина, пытаясь сгладить конфликт, пригласила гостей за стол, а вскоре начался концерт звезд российской эстрады. Помимо Корзуна и Филиппова, выступала популярная девичья группа, которую в желтой прессе называли «поющими трусами». Трусы и вправду были хороши, как и силиконовые бюсты красавиц.

Во время концерта Лионелла наблюдала за Стрешневым. Он не отрывал глаз от скатерти, и было ясно, что его мысли далеко от этого зала. Решив, что хорошо бы узнать, что именно послужило поводом для ссоры с режимником, Лионелла положилась на случай – кто первым из них подвернется, того и расспросит.

Однако в тот вечер случай не подвернулся, после концерта гости разошлись по всему дому, многие вышли на улицу посмотреть на салют и выпить горячего глинтвейна. Лионелла тоже вышла, но не встретила ни Стрешнева, ни Друзя.

В два часа ночи Лионелла вернулась в дом, поднялась в свою комнату и уснула сразу, едва коснувшись щекой подушки.

Глава 8. Исчезновение

Ночевки в чужих домах ко многому обязывают. Никогда не знаешь, во сколько проснутся хозяева и как организовано их утро. Если, конечно, это не хорошо знакомые люди.

Тихвиных Лионелла не знала, поэтому встала, когда не было и семи, приняла ванну, сделала прическу, нарядилась. Не дождавшись приглашения на завтрак, решила спуститься вниз. И как только она появилась в зале, ее окликнул Егор Макарович Тихвин:

– Доброе утро! Хорошо, что вы уже встали.

Он стоял в дверях, одетый в пальто.

– Доброе утро, – ответила Лионелла.

– Уже позавтракали?

– Нет, но хотелось бы.

– А что, если... – Он замолчал.

– Что? – заинтересовалась она.

– Едемте со мной. Я покажу вам свое производство.

– А как же завтрак? – Лионелла решительно не хотела оставаться голодной.

– Ну хорошо, давайте сделаем так: позавтракайте, а потом приезжайте ко мне. Или неинтересно?

– Отчего же... Я с удовольствием.

Тихвин посмотрел на часы:

– Через час у крыльца вас будет ждать машина.

– Думаю, до этого времени я успею позавтракать и собраться.

– Жду! – Тихвин надел перчатки и, улыбнувшись, вышел из дома.

В зал вошла Марианна. Скорее всего, она слышала их разговор и ждала за дверью, когда муж уедет.

– Доброе утро, Лионелла. Сейчас подадут завтрак. – Марианна села за стол и похлопала по стулу рядом с собой: – Присаживайтесь.

Лионелла Бalandовская села.

– Как вам спалось? – спросила хозяйка.

– Спасибо. Я хорошо выспалась.

– У нас тихо, и воздух чистый.

– Вы круглый год живете в поместье?

– Детям здесь лучше.

– Сколько у вас детей? – спросила Лионелла.

– Трое. Старшему, Лене, – пять, среднему, Василию, – три, младшей, Алене, всего два годика.

Отметив про себя, что дети маленькие, а самой Тихвиной лет сорок пять, Лионелла ничем не выказала своего удивления и только сказала:

– Вы – счастливая женщина.

– Знаю, – ответила Марианна, но в ее ответе не было и малейшего отблеска счастья. – Я слышала, что вы собираетесь ехать на завод?

– Егор Макарович пригласил.

– Честно говоря, там нет ничего интересного, – проговорила Марианна, и Лионелла поняла, что жена Тихвина не хочет, чтобы она туда ехала.

– Поедемте вместе. – Предложение созрело интуитивно, и Лионелла попала в самую точку.

– Да, пожалуй! – радостно откликнулась Марианна.

Горничная тем временем принесла яичницу с беконом и теплые гренки. Лионелла попросила кофе, и уже через минуту перед ней стояла чашка эспрессо. Заметив, что хозяйка дома не ест, она поинтересовалась:

– А что же вы?

– Я уже позавтракала. Если вы не против, встретимся у машины. Мне нужно одеться.

– Ничуть не против, – ответила Лионелла, и Тихвина ушла собираться.

После завтрака Лионелла отправилась одеваться. Выбрала брюки, водолазку и шелковый жилет, черный в розовых мишках. Ничего лучшего в ее временном гардеробе не нашлось.

В назначенное время Лионелла вышла из дома к ожидавшему автомобилю.

Водитель открыл дверцу:

– Прошу.

– А где Марианна?

– Просила передать, что не едет.

– Странно. – Лионелла уселась на заднее сиденье и подо-

брала полы пальто. – Полчаса назад она была в полной уверенности, что поедет...

Автомобильная дверца захлопнулась, прервав ее на полуслове. Из чего сделалось ясно, что водитель не готов обсуждать с ней поступки хозяйки. Лионелле хватало такта воздержаться от продолжения разговора. До химкомбината она не проронила ни слова.

На территорию завода автомобиль заехал через мощные ворота и остановился у заводууправления, которое ничем не впечатляло и походило на типовое советское учреждение.

– Я провожу вас. Егор Макарович уехал, но предупредил, что скоро вернется. – Водитель вышел из машины, открыл дверцу и указал на входную дверь, как будто без него Лионелла не догадалась бы, куда нужно идти.

Она злилась на себя за то, что согласилась поехать.

В приемную Тихвина Лионелла вошла в плохом настроении. За ней еще не закрылась дверь, а девушка-секретарша вскочила с места и буквально ворвалась в кабинет Тихвина, забыв затворить дверь.

Лионелла прошла за ней. То, что она увидела, ее удивило.

– Что вы делаете?

– Прошу вас, молчите! – Девушка схватила две из пяти фотографий, стоящих на письменном столе Тихвина, и спрятала их под кофточку.

– Я не понимаю. – Лионелла недоверчиво улыбнулась.

– Марианна Петровна где?

– Она не придет.

– Слава тебе господи! – секретарша с облегчением выдохнула и поставила фотографии на место. Примерившись, распределила их равномернее.

– Зачем вы это сделали? – спросила Лионелла с нажимом.

– Пожалуйста...

– Я настаиваю, чтобы вы ответили.

Девушка прошептала:

– Уйдемте отсюда... Здесь все записывается...

Лионелла решительно обошла ее, чтобы увидеть стол со стороны кресла Тихвина. Все пять фотографий были детскими: три мальчика и две девочки дошкольного возраста. Все пятеро были похожи друг на друга – светловолосые, с выпуклыми, широко расставленными глазами и бледными лицами.

– Дети Егора Макаровича? – догадалась Лионелла.

Секретарша взяла ее за руку и потащила к двери:

– Идемте.

– Но ведь у него, кажется, трое детей?

Они вышли в приемную, оттуда – в коридор:

– Вы погубите меня! – вскрикнула девушка.

– Вы не ответили.

– Все пятеро – дети Тихвина. Двое – не от Марианны Петровны. Они от другой женщины.

– Зачем же вы убрали их фотографии?

– Когда сюда едет Марианна Петровна, мне звонят из дома, и я должна убирать со стола фото других детей. Сегодня

я отвлеклась и забыла. К счастью, она не приехала.

– Марианна не знает, что дети существуют?

– Может, и знает. Но я каждый раз прячу фотографии.

– Почему мы говорим в коридоре? – спросила Лионелла.

– В приемной тоже все пишут.

– Разговоры?

– И разговоры, и видео.

– Да что тут у вас?..

– Ничего особенного. – Девушка опустила глаза. – Идемте в приемную, Егор Макарович скоро вернется.

На лестнице раздались шаги, с первого этажа кто-то поднимался наверх.

– Кажется, он... – Секретарша опрометью бросилась в приемную.

Лионелла последовала за ней. Спустя минуту дверь открылась, вопреки ожиданиям, в комнату вошла молодая женщина. Она была некрасивой, возможно, ее портила беременность и пигментные пятна. Темные распущенные волосы казались жирными, хотя женщина была одета опрятно, дорого, и безвкусно.

– Здравствуй, Людмила.

Секретарша склонила голову:

– Здравствуйте, Валерия Дмитриевна. Егор Макарович ненадолго уехал...

– Мне это известно. – Беременная женщина перевела взгляд на Лионеллу. – Я знаю вас. Вы – Бalandовская.

– Кажется, мы незнакомы, – заметила Лионелла.

– Меня зовут Лера.

– Могу вас так называть?

– Конечно. – Валерия кивнула секретарше. – Мы пройдем в кабинет Егора Макаровича.

Как ни странно, та не возразила, а только спросила:

– Принести зеленого чаю?

– Будь любезна. Мне – как всегда.

С этого момента Лионелла поняла, кто перед ней. Женщина вполне годилась на роль любовницы, и, кажется, шестой по счету отпрыск Тихвина был на подходе.

– Располагайтесь. – Валерия подошла к столу заседаний.

Лионелла с любопытством ждала, на какое место она усядется, но Валерия села с краю, определив свое положение в жизненном раскладе любовника.

Лионеллу все больше охватывало любопытство, она тоже села.

– Приехали осмотреть наш завод? – спросила Валерия.

Отметив про себя слово «наш», Лионелла ответила:

– Если не возражаете.

– Увидите много занятного.

– Надеюсь. – Бalandовская была немногословной, оставив это Валерии.

– Вы, наверное, удивитесь... – снова заговорила Валерия.

– Это вряд ли, – улыбнулась Лионелла.

– Я не про завод.

– Не про завод тоже не удивлюсь.

– Я – любовница Тихвина. У нас двое общих детей. Через два месяца появится третий.

– Мои поздравления, – спокойно проговорила Лионелла.

– Осуждаете меня? – с вызовом спросила Валерия.

– С чего вы взяли?

– Ну как же... Вы наверняка знакомы с Марианной Петровной.

– Мне нет дела до чужих отношений. – Лионелла раскрыла сумочку и достала футляр с мундштуком. – Здесь можно курить?

– Егор Макарович не курит... – многозначительно проговорила Валерия.

– Мне он разрешает. – Лионелла вставила сигарету в мундштук и закурила.

В глазах Валерии вспыхнула ревность.

– Часто встречаетесь с Егором Макаровичем?

Но Лионелла проигнорировала ее вопрос и спросила сама:

– Вас кто-то предупредил, что я буду здесь?

– В доме Тихвиных полно стукачей.

– Значит, вы приехали сюда из-за меня?

– В некотором роде – да.

– Я не понимаю. – Лионелла закинула ногу на ногу и эффектно выпустила дым изо рта. – Желаете что-то сообщить?

– Хочу сказать, что быть рядом с Тихвиным сложно. – Валерия сказала эти слова крайне обыденно, как будто не было

в них ничего такого, чем нельзя было бы поделиться с мало-знакомым человеком.

– Для чего мне это знать? – спросила Лионелла.

– Просто для информации.

– Просто так и прыщ на жопе не вскочит.

– Злитесь? – улыбнулась Валерия. – Напрасно. Я здесь потому, что уже давно вас ждала. Я знала, что рано или поздно вы здесь появитесь.

– Откуда такая уверенность? Поделитесь.

– Вы нравитесь ему.

– Ну... – протянула Лионелла и небрежно взмахнула рукой: – Мало ли!

– Егор на многое пошел ради вас.

– Что за бред?

– Двадцать миллионов... Потратить такую сумму – действительно бред одержимого.

– Не понимаю, – нахмурилась Лионелла.

– Неужели не знаете, кто профинансировал фильм?

– Вы говорите о фильме Комиссарова?

– Я говорю о фильме, в котором снимаетесь вы. Тихвин – его генеральный спонсор. И знаете, каким было его условие?

– Нет.

– Тихвин потребовал, чтобы в главной роли снимались вы.

Лионелла молчала, наблюдая за тем, как с сигареты сыпется пепел. Валерия придвинула пепельницу.

– Значит, не знали.

– Нет. – Лионелла покачала головой.

– Он постоянно пересматривает все ваши фильмы.

– Егор Макарович говорил мне об этом. – Лионелла затушила сигарету и встала, чтобы уйти.

– Подождите! – Валерия схватила ее за руку и усадила на место. – Должна предупредить, что буду воевать за Егора всеми доступными способами. Если будет нужно убить – убью.

– Вы в своем уме? – вздрогнула Лионелла. – Я чужой любви не помеха.

– Любовь здесь ни при чем. Я все поставила на него: разошлась с мужем, отдала ему семь лет своей жизни, терпела унижения, рожала детей. Он обязан вернуть мне долг.

– Ну что же. Любовь к деньгам – тоже любовь. Надеюсь, что вы не бедствуете.

– Две квартиры в многоэтажных домах – не бог весть что такое. Возможно, Марианна вам рассказала, что Егор дает мне деньги и я строю дом...

– Меня это никак не касается.

– Если не рассказала – расскажет. Это ее пунктик. Сколько раз я ей говорила: успокойся, Марианна, у Егора столько денег, что хватит нам обеим.

– Вы общаетесь?

– Когда она выпивает, звонит мне.

Лионелла удивилась:

– Зачем?

– Чтобы оскорбить, унижить, иногда угрожает.

– Но вы-то, кажется, не из тех, кого можно запугать.

– Меня трудно обидеть. Когда я иду к цели, то не обращаю внимания на такие мелочи.

– Считаете, что жена и трое детей – это мелочь?

– Жену Тихвин не любит, а дети – только его.

– Вас трудно понять.

– Все дети Тихвиных рождены от суррогатных матерей.

Марианна тут ни при чем, она бесплодна.

– Вот оно как! – Лионелла ощутила непреодолимое желание сделать больно этой расчетливой самке. – Вас не обижает, что, несмотря ни на что, Егор Макарович не бросает жену и не уходит к вам?

– Нисколько. Мы жили с ним вместе, хоть и недолго. – Валерия ничуть не смутилась. – Как говорится, плавали – знаем.

– И что заставило вас разъехаться?

– Он запустил в меня брюками, и пряжка от ремня рассекла мне бровь. – Валерия отвела челку и показала шрам. – Видите?

– Вижу. Конечно, вы не простили.

– При чем тут это? Я просто воспользовалась случаем, и мы обоюдно решили, что он вернется к жене. С тех пор Егор каждый день приезжает ко мне, а в пятницу остается на ночь. Пятница – мой день.

– Простите, мне нужно идти. – Лионелла снова поднялась,

но секретарша принесла чай, и ей пришлось вернуться на место.

Валерия продолжила, когда Людмила вышла из кабинета:

– Марианна не понимает, что я не претендую на большее.

Максимум – к дому еще квартира в Москве.

– Хотите переехать в столицу?

– Так хочет Егор.

Лионеллу все больше занимали хитросплетения их отношений.

– Почему? – спросила она.

– Наши дети скоро пойдут в школу.

– Не улавливаю связи. Они пойдут в школу, и что?

– В Валдае есть только одна хорошая школа. Егор не хочет, чтобы дети встречались. – Валерия уточнила: – Наши с ним и его законные дети.

– Вам не обидно?

– Для меня это не главное.

– А что главное?

– То, что мне известно о Тихвине все. Вы меня понимаете?

– Боюсь, что нет.

– У меня есть информация, о которой Тихвин предпочитает не вспоминать.

– Насколько я понимаю, речь идет о некоем компромате? Не понимаю, для чего вы мне об этом рассказываете. Мы с вами едва знакомы. И потом... – Лионелла оглядела каби-

нет. – Разве вы не знаете, что здесь все записывается?

– Не сейчас. – Валерия взглянула на часы. – У нас в запасе еще пять минут.

– Я поняла. – Лионелла насмешливо улыбнулась. – У вас все под контролем.

– Можно сказать и так.

Лионелла отодвинула чашку и встала из-за стола.

– Жаль, что я не смогу дождаться Егора Макаровича. Мне нужно идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.